Отвергнутый наследник

Автор:
Эрин Уатт

Отвергнутый наследник

Эрин Уатт

Семья Ройалов #4

Истон Ройал умен, богат, красив и влиятелен. Что еще нужно, чтобы быть в центре внимания? Любая в Астон-Парке хочет стать его девушкой. Но Истону наскучили надменные школьные красавицы. В поисках приключений он пускается во все тяжкие, пока не встречает ее.

Хартли Райт – крепкий орешек. Ей нет дела до популярности Истона, ведь у нее совсем другие интересы. Более того, девушка убеждена, что Истону Ройалу давно пора повзрослеть. Возможно, Хартли права, но ее недоступность лишь больше разжигает его.

Похоже, для Истона настало время понять, что одной фамилии Ройал не достаточно, чтобы заполучить желаемое, и что чем выше ты взлетел, тем больнее будет падать…

Эрин Уатт

Отвергнутый наследник

Всем, кто требовал отдельной истории про Истона Ройала. Эта книга для вас.

Copyright © 2017 by Erin Watt

© Е.Прокопьева, перевод на русский язык

© ООО «Издательство АСТ», 2018

* * *

Глава 1

– И помните: какую бы функцию вы ни выбрали, суммарная разница будет зависеть от первой и последней, – звенит звонок, и мисс Манн заканчивает занятие. Последний урок на сегодня.

Все начинают складывать свои вещи. Все, кроме меня.

Откинувшись на спинку стула, я стучу карандашом по краю учебника и с едва заметной улыбкой наблюдаю, как наша новая учительница пытается удержать остатки внимания своих учеников. Она такая милая, когда волнуется.

– Части 1а и 1б к завтрашнему дню! – кричит мисс Манн, но ее уже никто не слышит: все ломанулись к дверям.

– Истон, идешь?

У моего стола останавливается Элла Харпер, сверля меня пристальным взглядом голубых глаз. А она похудела. По-моему, аппетит оставил ее в один день с моим братом.

Нет, Рид не бросил ее. Старший братец по-прежнему по уши влюблен в Эллу, нашу типа сводную сестру. Если бы он не любил ее, то выбрал бы какой-нибудь крутой колледж как можно дальше от Бэйвью. Но вместо этого Рид учится в университете штата, который находится поблизости, и эти двое могут навещать друг друга в выходные.

– Не, – отвечаю я. – У меня тут вопрос к учителю.

От моих слов худенькие плечи мисс Манн вздрагивают. Даже Элла это замечает.

– Ист… – начинает она, кривя свои красивые губки.

Я уже вижу, как Элла читает очередную лекцию на тему того, что мне следует взяться за ум. Занятия начались неделю назад, а я уже маюсь от скуки. А что мне еще остается, кроме как валять дурака? Учиться необязательно. Футбол меня мало волнует. К тому же отец запретил мне летать, и шансов на то, что я верну себе летную лицензию, все меньше. Так что, если Элла не отвяжется от меня ко всем чертям, я забуду, что она девушка моего брата и сделаю все, чтобы соблазнить ее.

– Увидимся дома, – решительно отвечаю я Элле.

Мисс Манн безбожно флиртовала со мной с самого первого дня, и после недели обмена похотливыми взглядами я собираюсь взять быка за рога. Да, это неправильно, зато добавит адреналина в кровь нам обоим.

В «Астор-Парк» редко принимают молоденьких горячих училок. Администрации прекрасно известно, что здесь слишком много скучающих богатых мальчишек, которые только и ищут приключений. Директору Берингеру пришлось замять не одно дело об отношениях между учениками и преподавателями – и я не про те слухи, что все время ходят по школе, потому что сам был замешан в таких «неподобающих» отношениях. Если, конечно, можно считать отношениями страстный поцелуй с учительницей по биологии за спортзалом. Я вот так не считаю.

– Не возражаю, если останешься, – растягивая слова, говорю я упрямой Элле, которая словно вросла в выложенный плиткой пол. – Но, наверное, для тебя же будет лучше подождать меня в коридоре.

В ответ она испепеляет меня взглядом. От нее почти невозможно ничего скрыть. У Эллы было не самое радужное детство, и ей всегда все известно. Или известно, какой я распущенный, и этого достаточно.

– Не знаю, что ты ищешь, но сомневаюсь, что оно находится под юбкой мисс Манн, – едва слышно говорит она.

– Там видно будет, – язвительно отвечаю я.

Элла вздыхает и сдается.

– Будь осторожен, – предупреждает она меня, но достаточно громко для того, чтобы услышала мисс Манн.

Учительница вспыхивает и таращится в пол, пока Элла покидает класс.

Я подавляю прилив раздражения. В чем меня можно обвинять? Я хочу прожить свою жизнь на полную катушку и не собираюсь никому причинять вреда. Мне восемнадцать. Мисс Манн совершеннолетняя. Ну и что, что сейчас она работает учительницей?

Когда дверь за Эллой закрывается, в классе повисает тишина. Мисс Манн теребит подол своей светло-голубой юбки. Черт, она начинает сомневаться.

Я немного разочарован, но ничего страшного не случится. Я не из тех парней, которым нужно трахнуть любую девушку, которая им попадется, – вокруг много других. Если одна не хочет, переходишь к другой.

Я наклоняюсь, чтобы взять рюкзак, и замечаю прямо перед собой пару красивых туфель на шпильках.

– У вас был какой-то вопрос, мистер Ройал? – тихим голосом спрашивает мисс Манн.

Я медленно поднимаю голову, изучая ее длинные ноги, изгиб бедер, тонкую талию, где чопорная белая блузка заправлена в точно такую же чопорную юбку. Под моим взглядом ее грудь тяжело поднимается и опускается, а жилка на шее начинает бешено пульсировать.

– Да. Вы не поможете мне решить одну проблему, с которой я сталкиваюсь во время урока? – Я кладу ладонь на ее бедро. Она вздыхает, и я провожу пальцем

вдоль пояса ее юбки. – Мне никак не удается сосредоточиться.

Мисс Манн делает глубокий вдох.

– Неужели?

– М-м-м, по-моему, это из-за того, что каждый раз, стоит мне посмотреть на вас, у меня складывается впечатление, что вы тоже не можете сосредоточиться. – Я едва заметно улыбаюсь. – Может, это потому, что вы фантазируете о том, как вас нагнули через стол, а весь класс наблюдает?

Мисс Манн смущена.

– Мистер Ройал. Я не имею ни малейшего понятия, о чем вы говорите. И попрошу вас убрать руку с моей талии.

– Конечно. – Я передвигаю ладонь ниже, и мои пальцы касаются подола ее юбки. – Так лучше? А то я могу убрать ее совсем.

Мы встречаемся взглядами.

Последний шанс, мисс Манн. Мы оба понимаем, что я сейчас не только помял ей юбку, но и могу испортить ее репутацию, но ноги мисс Манн словно приросли к полу.

Когда она наконец решается заговорить, ее голос звучит хрипло.

– Да, мистер Ройал, так лучше. Думаю, решение вашей проблемы с концентрацией внимания прямо у вас под рукой.

Моя ладонь проскальзывает ей под юбку, и я самоуверенно ухмыляюсь.

– Я пытаюсь исключить сложные функции.

Веки мисс Манн трепещут, она закрывает их – сдалась.

– Мы не должны этого делать.

– Я знаю. Именно поэтому будет здорово.

Я ощущаю под своими ладонями ее упругие бедра. Мы ведем себя очень плохо, к тому же оба прекрасно понимаем, что нас могут застукать в любой момент. Да, она последняя, кого мне можно вот так касаться, но именно поэтому я возбуждаюсь еще сильнее.

Мисс Манн кладет ладони мне на плечи и пытается удержать равновесие, пальцами впиваясь в ткань дизайнерского школьного пиджака от Тома Форда за две тысячи долларов. Мои же пальцы творят свою магию. Пустой класс наполняют тихие приглушенные звуки, и вот слышится лишь ее тяжелое дыхание.

С довольной улыбкой мисс Манн чуть отходит от меня, разглаживает руками складки на юбке и опускается на колени.

– Твоя очередь, – шепчет она.

Я вытягиваю ноги и откидываюсь на спинку стула. Скажу честно, углубленная математика – лучший предмет, который мне когда-либо доводилось изучать в «Астор-Парке».

Вернув долг, мисс Манн смотрит на меня с неуверенной улыбкой. Она наклоняется ближе, и кончики ее волос задевают мои бедра.

– Можешь прийти ко мне сегодня вечером. Моя дочь ложится спать в десять.

Я застываю. Все это могло кончиться по-разному, но именно этой ситуации я очень надеялся избежать. В моей голове проносится несколько вариантов ответа, но я не успеваю остановиться на каком-то одном, потому что дверь в класс открывается.

– О боже!

Мисс Манн и я одновременно разворачиваемся в сторону двери. Мне удается разглядеть лишь мелькнувшие в проеме иссиня-черные волосы и синий форменный пиджак «Астор-Парка».

Мисс Манн, резко вскочив, чуть не падает. Я успеваю поймать ее. Она едва держится на ногах, и мне приходится помочь ей дойти до стола.

– О господи, – в ступоре произносит она. – Кто это был? Как ты думаешь, она видела?..

Видела ли она, что мисс Манн стоит на коленях, видела ли ее помятую одежду и мои спущенные штаны? Э-э-э, да. Она видела.

– Видела, – говорю я вслух.

От этого моя учительница впадает в еще большую панику. С мучительным стоном она опускает голову и закрывает лицо руками.

– О господи. Меня уволят.

Я заканчиваю приводить себя в порядок, хватаю рюкзак и быстро засовываю туда свои вещи.

– Нет. Все обойдется.

Но в моем голосе не так уж много уверенности, и она это слышит.

– Нет, ничего не обойдется!

Я обеспокоенно смотрю на дверь.

– Ш-ш-ш. Кто-нибудь вас услышит.

– Нас видели, – шипит она в ответ, ее голос дрожит, а в глазах застыл панический ужас. – Ты должен отыскать эту девочку. Найди ее, сделай что-нибудь в духе Истона Ройала и убедись, что она никому ничего не расскажет.

В духе Истона Ройала?

Но мисс Манн быстро продолжает, не давая мне шанса узнать, что же, черт возьми, я должен такое сделать.

– Нельзя, чтобы меня уволили. Нельзя. Мне нужно растить дочь! – Ее голос снова начинает дрожать. – Реши эту проблему. Пожалуйста, иди и сделай что-нибудь!

– Ладно, – успокаиваю я ее. – Я все улажу.

Только вот как – понятия не имею, но мисс Манн в двух секундах от нервного срыва.

Она снова издает тихий стон.

– И это больше никогда не повторится, ты меня понял? Больше никогда.

Я только «за». Ее паническая атака испортила мне все настроение, что уж говорить о желании повторить все это. Я люблю, чтобы мои интрижки заканчивались так же приятно, как начинались. Нет ничего сексуального в том, чтобы быть с девушкой, которую мучают сожаления, поэтому лучше с самого начала убедиться в том, что она тоже хочет быть с тобой. Если есть хоть капля сомнений, то лучше даже не начинать.

– Понял, – кивнув, отвечаю я.

Мисс Манн смотрит на меня с мольбой во взгляде.

– Тогда почему ты еще здесь? Уходи!

Действительно.

Я закидываю на плечо рюкзак и выхожу из класса. Оказавшись в коридоре, быстро оглядываюсь по сторонам. Народу как-то больше, чем обычно. И почему все слоняются по школе? Занятия ведь давно закончились. Эй, идите домой.

Мой взгляд мельком останавливается на Фелисити Уортингтон, которая перебрасывает через плечо свои платиновые волосы. Клэр Донахью, моя бывшая, тут же поднимает на меня полные надежды голубые глаза: она все еще хочет, чтобы мы снова были вместе, с тех пор как начался учебный год. Мне удается не встретиться с ней взглядом, и я переключаюсь на Кейт и Алиссу, сестер Баллингер. Ни одной девушки с черными волосами. Я оглядываю коридор – опять ничего.

И уже собираюсь отвернуться, когда Фелисити вдруг наклоняется к Клэр, чтобы прошептать ей что-то на ухо, и там, где только что была голова Фелисити, замечаю ее. Девчонка стоит лицом к своему шкафчику, но цвет ее волос невозможно спутать с другим: они такие черные, что под светом флуоресцентных ламп кажутся синими.

Я бросаюсь вперед.

– Истон, – доносится до меня голос Клэр.

– Не унижайся, – советует ей Фелисити.

Не обращая внимания ни на одну из них, я прохожу мимо.

– Эй!

Девчонка поднимает глаза. Испуганные, серые, они смотрят прямо на меня. Розовые губы чуть приоткрываются. Я жду, когда она улыбнется: так на меня обычно реагируют девяносто девять процентов женщин, вне зависимости от возраста. Но улыбка так и не появляется на ее лице, потом она резко разворачивается и убегает прочь по коридору.

От удивления я даже не бегу за ней. К тому же мне не хочется привлекать к себе лишнее внимание. С невозмутимым видом я закрываю ее шкафчик и только потом следую по коридору вслед за удаляющейся фигурой. Повернув за угол, тоже перехожу на бег. Я бегаю гораздо лучше нее, так что мне не составляет труда перехватить девчонку у раздевалок.

– Эй, – встав перед ней, говорю я, – где-то пожар?

Она едва успевает остановиться и чуть не падает. Я хватаю ее за плечи, чтобы удержать от падения на выложенный плиткой пол.

– Я ничего не видела, – высвобождаясь из-под моей руки, на одном дыхании тараторит она.

Я оглядываюсь по сторонам, чтобы убедиться, что у нас нет зрителей, но в коридоре пусто. Хорошо.

– Конечно, ты ничего не видела. И именно поэтому убежала, как ребенок, которого поймали, когда он сунул руку в банку с печенюшками.

– Раз уж на то пошло, это ты сунул руку не туда, куда следует, – парирует она. И тут же поджимает губы, осознав, что проговорилась. – Хотя я ничего не видела.

– Ну-ну.

И что мне делать с этой милашкой? Жаль, что нужно нагнать на нее страху и заставить молчать.

Я двигаюсь на нее. Она бочком отступает в сторону.

Я продолжаю наступление до тех пор, пока девчонка не оказывается прижатой спиной к стене. Потом наклоняюсь к ней так, что наши лбы находятся всего в паре сантиметров друг от друга. Так близко, что я слышу мятный запах ее жвачки.

Мисс Манн попросила меня решить эту проблему. И она права. То, что произошло в той классной комнате, должно было стать просто веселым приключением. Лично мне только этого и нужно – поразвлечься, а не рушить жизни других людей. Было прикольно заниматься кое-чем развратным и запрещенным, сознавать, что тебя могут поймать в любой момент.

Но знать, что из-за всего этого мисс Манн потеряет работу, а ее ребенок станет бездомным, – вот это уже совсем не прикольно.

– Значит… – начинаю я низким голосом.

– Э-э-э, Ройал, верно? – перебивает меня девчонка.

– Да. – Я не удивлен, что она меня знает. Не то чтобы я горжусь этим, но Ройалы правят этой школой уже несколько лет подряд. Слава богу, мне удалось избежать роли лидера. Сейчас главный Ройал у нас – Элла. Я лишь ее телохранитель. – А ты?

– Хартли. Слушай, я ничего не видела. – Она поднимает руку вверх, словно клянется, что говорит правду.

– Если бы это было так, Хартли, ты бы не стала сбегать.

Я прокручиваю в голове ее имя. Необычное, но не могу его вспомнить. Как и ее лицо, раз уж на то пошло. В «Асторе» почти нет новых лиц. Большинство учащихся я знаю с тех пор, как себя помню.

– Нет, ну серьезно. Я как одна из тех обезьян. – Хартли продолжает беспомощно защищаться и закрывает одной рукой свои глаза, а второй – рот. – Не вижу зла, не говорю про зло. Нет, конечно, то, что ты сделал, – не такое уж и зло. Вернее, то, что ты мог делать. Хотя я же ничего не видела. Ничего плохого, ничего хорошего.

Очарованный ею, я закрываю ее рот своей рукой.

– Ты много болтаешь.

– Это нервное, из-за новой школы. – Она поправляет свой форменный пиджак и выпячивает подбородок. – А даже если я что-то и видела, это не мое дело, ведь правда? Я не собираюсь рассказывать об этом.

Я скрещиваю руки на груди, и мой пиджак натягивается на плечах. У девчонки такой вид, как будто она не прочь схлестнуться со мной. Мне это нравится, жаль только, одним флиртом поставленных целей не добиться. Я добавляю в голос угрожающих ноток, надеясь, что страх заставит ее держать язык за зубами.

– Дело в том, что я тебя не знаю. Поэтому не могу вот так взять и просто поверить тебе на слово.

Угроза в голосе срабатывает, потому что Хартли напугана.

– Я… я никому не расскажу, – повторяет она.

И вдруг мне становится стыдно. Зачем я запугиваю эту девчонку? Но перед глазами тут же всплывает полное страха лицо мисс Манн. У мисс Манн есть ребенок, а Хартли – всего лишь еще одна богатенькая одноклассница. Ничего, переживет немного угроз.

– Да? А если кто-нибудь, например, директор Берингер, спросит тебя об этом? – Я склоняю голову набок, мой голос звучит еще более зловеще. – Что тогда, Хартли? Что ты скажешь?

Глава 2

Пока Хартли обдумывает ответ, я украдкой разглядываю ее, не упуская ни одной детали. Она довольно миниатюрная – где-то полтора метра ростом – особенно по сравнению с моими ста восемьюдесятью сантиметрами. В зоне декольте ей почти нечем хвастаться. На ногах совершенно ужасные лоферы. Обувь – это единственное, что не регламентирует школьная форма, дозволенный нам способ выражения собственной индивидуальности. Парни носят кроссовки или «тимберленды». Девчонки в большинстве своем предпочитают обуваться во что-то дорогое и модное, типа балеток от «Гуччи» или шпильки с красной подошвой. Сдается мне, своими лоферами Хартли хочет сказать: «Плевать я на все хочу». И мне это нравится.

Что касается всего остального, то она вполне себе заурядная. Стандартная школьная форма. Прямые длинные волосы. В ее лице нет ничего, что притягивало бы взгляд. Вот Элла, к примеру, потрясающе красивая. Моя бывшая, Клэр, не так давно была названа дебютанткой года. А у Хартли большие глаза, как у героев манги, и широкий рот. Кончик носа немного вздернут, но чертами ее лица, если она вдруг попадет на страницы какого-нибудь модного глянца, вряд ли кто-то станет восторгаться.

Наморщив нос, Хартли наконец отвечает мне.

– Что ж, давай посмотрим, что же я действительно видела? Ну… фактически я видела, как учительница наклонилась, чтобы поднять что-то с пола. Ну а ученик, хм, убрал с ее лица волосы, чтобы ей было лучше видно. Это было очень мило. И очень любезно с его стороны. Так что, если директор Берингер спросит меня, я скажу ему, что ты добропорядочный гражданин и что тебя следует номинировать на звание «ученик недели».

– Серьезно? Именно это ты собираешься ему сказать?

Мне хочется рассмеяться, но если я это сделаю, то на всех моих попытках запугать Хартли можно ставить крест.

– Клянусь богом.

Она прижимает ладонь к груди. У нее короткие ногти, совсем не похожие на ногти остальных девчонок из «Астора», предпочитающих идеальный, стильный маникюр.

– Я атеист, – сообщаю я ей.

Она хмурится.

– А с тобой не так просто договориться.

– Эй, но это же не я сунул свой нос не туда, куда надо.

– Это же школа! – Впервые за все время Хартли повышает голос. – Я могу заглядывать в любой класс, в какой захочу!

– Значит, ты признаешь, что подглядывала за мной.

Мне с трудом удается не улыбаться.

– Так, теперь мне понятно, почему тебе приходится заниматься сексом с учительницей. Никакая нормальная девчонка не смогла бы тебя вытерпеть.

Она злится, и я пропускаю ее колкость мимо ушей, потому что уже больше не в силах бороться с улыбкой.

– Откуда тебе знать, если ты не пробовала?

Хартли пристально смотрит на меня.

– Ты что, сейчас флиртуешь со мной? Я не собираюсь ничего пробовать.

– Нет, значит?

Я провожу языком по своей нижней губе. Да, я флиртую, потому что, какой бы обычной эта Хартли ни была, она вызывает мой интерес. А я, Истон Ройал, подчиняюсь законам вселенной и не упускаю ничего интересного.

В ее глазах на секунду вспыхивает восхищение. Всего лишь на одно короткое мгновение, но я всегда знаю, когда девчонка считает меня сексуальным и представляет себе, каково это – быть со мной.

И сейчас Хартли думает именно об этом.

Давай, детка, только попроси меня. Бери все, чего захочешь. Мне нравится, когда девушка фигурально и буквально берет меня за яйца и говорит мне, чего она хочет. Напрямик. Без всяких игр. Но, несмотря на весь этот феминизм и прочую фигню, оказывается, что большинство девчонок хочет, чтобы парни первыми добивались их. Что ж, досадно.

– Уф. – Хартли пытается отодвинуться от меня. – Серьезно, Ройал. Отвали.

Я прижимаю ладони к холодному дереву по обеим сторонам от ее головы. Хартли в ловушке.

– Или что?

Серые глаза вспыхивают, лишь разжигая мое любопытство.

– Может, я и маленького роста, зато легкие у меня как у кита, так что, если ты не сдвинешься с места, я буду верещать как сирена, до тех пор пока вся школа не соберется в этом коридоре, чтобы спасти меня от тебя.

Я усмехаюсь.

– Как сирена? А может, наоборот, ты меня соблазнишь?

– По-моему, это ты пытаешься соблазнить всех и вся, – сухо отвечает Хартли, но в уголках ее губ играет улыбка. – Ну а если серьезно, я открыла дверь только потому, что хочу перевестись в класс мисс Манн. Но я никому не собираюсь разбалтывать вашу маленькую тайну, ясно? – Она разводит руки в разные стороны. – Ну и что будем делать? Я начну орать как сирена или ты все-таки отойдешь в сторону?

Видимо, угрозы на Хартли не действуют, тем более что я вряд ли смогу придумать еще что-то. Угрожать девчонкам – не в моем стиле. Я предпочитаю делать их счастливыми. Так что, похоже, мне придется поверить ей на слово. По крайней мере, сейчас. И, если честно, Хартли непохожа на стукачку. Но даже если вдруг она проболтается, я всегда могу рассчитывать на деньги. Чтобы вытащить меня из этой передряги с мисс Манн, папе, наверное, придется пожертвовать кругленькую сумму на очередной школьный грант, но ведь он уже делал это из-за Рида и Эллы. По-моему, мне тоже полагается небольшое наследство.

Ухмыляясь, я отхожу от Хартли.

– Слушай, если ты так хочешь попасть в этот класс с углубленным изучением математики… – я показываю на классную комнату в конце коридора, – то я бы посоветовал тебе поговорить с ней прямо сейчас. Ну, ты понимаешь… – Я подмигиваю. – Застать ее врасплох, когда она меньше всего этого ожидает.

У Хартли отвисает челюсть.

– То есть ты советуешь мне шантажировать ее? Сказать ей, что я буду держать язык за зубами, если она одобрит мой переход в свой класс?

Я пожимаю плечами.

– А почему бы и нет? Кто еще о тебе позаботится, если не ты сама?

Она пристально смотрит на меня. Я бы многое отдал, чтобы узнать, что сейчас происходит в ее голове. На ее лице невозможно ничего прочитать.

– Да, наверное, ты прав, – бормочет она. – Еще увидимся, Ройал.

И Хартли протискивается мимо меня. Я медленно двигаюсь вслед за ней, на ходу наблюдая, как она стучится в дверь и входит в классную комнату мисс Манн. Действительно ли она выберет путь шантажа? По правде говоря, я в этом сомневаюсь, но если она это сделает, то ее перевод будет тут же одобрен: учительница сделает все что угодно, лишь бы Хартли не сдала нас.

Пусть даже я вполне успешно справился со своим заданием «все уладить» (по крайней мере, так мне кажется), но из коридора не ухожу. Хочу убедиться, что между мисс Манн и Хартли не произойдет ничего плохого. Так что я торчу рядом с классом, где меня и находит мой друг и товарищ по команде Паш Бхара.

– Йоу! – закатывая глаза, говорит он. – Ты должен был подвезти меня до дома. Я прождал тебя внизу минут пятнадцать, не меньше.

– Черт, мужик, я забыл. – Я пожимаю плечами. – Но мы не можем уйти прямо сейчас, я жду кое-кого. Ты не против потусить здесь еще несколько минут?

– Не вопрос. – Он встает рядом со мной. – Эй, а ты слышал, что в нашу команду пытаются заполучить нового квотербека?

– Серьезно?

В пятницу мы проиграли первый матч сезона, и, судя по игре линии обороны, нам нужно привыкать к этому. Корделл Янг, наш начинающий квотербек, разбил себе коленную чашечку во второй четверти матча, оставив нас на произвол судьбы с двумя девятиклассниками, которые словно соревновались за главную роль в фильме «Тупой и еще тупее».

– Тренер думает, что со всеми этими травмами и прочей фигней нам нужен еще человек.

– И он прав, но кто согласится прийти к нам в команду, когда сезон уже начался?

– По слухам, это будет кто-то либо из школы «Норт», либо из «Беллфилда».

– Почему именно эти две школы?

Я пытаюсь вспомнить тамошних квотербеков, но тщетно.

– Может, потому что они играют по той же схеме в обороне, что и мы? Парень из «Беллфилда» крутой. Я пересекался с ним на паре вечеринок. Порядочный и трезвенник.

– Тогда какие проблемы? Нам достанется больше выпивки, – шучу я, но уже начинаю нервничать: что-то Хартли там долго. Мисс Манн хватило бы и пяти секунд, чтобы вписать ее имя в заявку на перевод.

Я заглядываю в маленькое окошечко в двери, но вижу лишь затылок Хартли. Мисс Манн вне поля зрения.

Что они там копаются? Мисс Манн ни за что не стала бы противиться просьбе Хартли.

– Согласен. – В руке Паша жужжит золотистый телефон. Он пробегает глазами сообщение и машет мне мобильником. – Ты идешь на сегодняшнюю вечеринку?

– Может быть.

Но я едва обращаю на него внимание – развернувшись, снова заглядываю в окошко классной комнаты. В этот раз Паш замечает, что я делаю.

– Чувак, серьезно? Мисс Манн? – подняв брови, спрашивает он. – Ты уже устал от девчонок «Астора»? Мы можем взять самолет твоего папы и слетать в Нью-Йорк. Начинается Неделя моды, в городе будет полным-полно моделей. О, или мы можем дождаться, когда к нам переведут нового квотербека и он познакомит

нас с девчонками из своей школы. – Он подмигивает мне и поддевает меня локтем. – Хотя вряд ли что-то сравнится с тем, когда нарушаешь правила, да?

Раздраженный тем, что он раскусил меня, я натянуто отвечаю:

– Нет. Она слишком старая.

– Тогда кто там? – Паш пытается заглянуть в окно, но я пользуюсь своими размерами, чтобы загородить ему вид.

– Никто. Там внутри какая-то девчонка, и я жду, когда она уйдет, чтобы убедиться, что правильно записал задание.

– Все задания можно найти онлайн, – подсказывает друг.

– А, точно.

Но с места я не двигаюсь.

Паш, естественно, заинтригован еще больше.

– Так кто там? – пытаясь отодвинуть меня в сторону и заглянуть в класс, допытывается он.

Я решаю отойти и позволить ему выяснить это самому – иначе он от меня никогда не отстанет.

Паш прижимается носом к стеклу, внимательно смотрит, а потом выдает:

– О, значит, ты все-таки торчишь здесь из-за мисс Манн.

– Я же так и сказал.

Но теперь я полон замешательства. Почему он так быстро решил, что Хартли вне зоны моих интересов?

Паш снова начинает ковыряться в своем телефоне.

– Ладно, все это ужасно скучно. Я подожду тебя внизу, на парковке.

Он идет по коридору, и тут любопытство берет надо мной верх.

– Почему не из-за той девчонки? – кричу я ему вслед.

Паш разворачивается и, пятясь назад, отвечает:

– Потому что она не в твоем вкусе.

– А кто в моем вкусе?

– Горячие девчонки. Фигуристые, горячие, – еще раз повторяет он и исчезает за углом.

– Вау, – раздается сухой голос. – Я совершенно уничтожена: твой друг считает меня холодной и плоской.

Я чуть не подпрыгиваю от испуга.

– Господи боже. Ты можешь издавать хоть какие-то звуки, когда двигаешься?

Хартли идет по коридору, ухмыляясь мне и поправляя на плече лямку рюкзака.

– Так тебе и надо, не будешь подслушивать под дверями. И вообще, почему ты еще здесь?

– Ты все уладила? – поровнявшись с ней, спрашиваю я.

– Да. – Хартли морщится. – По-моему, она догадалась, что это я вас видела, потому что как-то чересчур охотно согласилась на все, о чем я попросила. Мне не по себе из-за этого.

– В этом нет ничего такого. Учительница сделала ошибку и теперь расплачивается за нее. – Я хотел сострить, но получилось как-то жестоко, и Хартли бросает на меня хмурый взгляд.

– Она забавлялась там не одна, Ройал.

– Что есть, то есть, но это тоже было бы горячо, – я снова пытаюсь пошутить, но уже слишком поздно.

– Ладно, проехали. – Хартли толкает дверь на лестницу и ныряет в проход. – В любом случае мы закончили. Было приятно поболтать с тобой.

Я спешу вслед за ней, чуть ли не бегом шагая по ступенькам.

– Ой, да ладно тебе, не будь такой. Мы же только начали узнавать друг друга. Между нами появилась связь.

Ее смешок эхом отскакивает от стен.

– Между нами не было и никогда не будет никакой связи.

Она увеличивает темп, перепрыгивая через ступеньку, чтобы побыстрее отделаться от меня.

– Никогда? Почему ты так категорична? Тебе стоит узнать меня поближе. Я же очаровательный.

Хартли останавливается, положив руку на перила, но готова броситься вниз по лестнице в любую секунду.

– Ты и правда очаровательный, Ройал. В этом-то и проблема.

И, сказав это, девчонка уносится по ступенькам.

– Если ты хотела погасить мой интерес, то это не лучший способ, – кричу я ей вслед.

В форменной плиссированной юбке «Астор-Парка» ее попка выглядит просто восхитительно.

Лишь оказавшись на расстоянии вестибюля от меня, Хартли поворачивается и бросает на меня насмешливый взгляд.

– Еще увидимся, Ройал.

Махнув мне рукой, она выплывает через огромные дубовые двери.

Мои глаза все продолжают смотреть туда, где только что стояла ее миниатюрная фигурка. Я вдруг понимаю, что улыбаюсь.

Да уж…

Думаю, я все-таки трахну эту девчонку.

Глава 3

– Элла рассказала мне, что сегодня ты подкатывал к учительнице, – спустя несколько часов говорит мне по телефону старший брат.

Прижимая мобильник к уху плечом, я стаскиваю с себя плавательные шорты, и они падают на пол. Весь прошлый час я провел в бассейне, соревнуясь с другим моим братом, Гидеоном. Гид – настоящий пловец, но, вернувшись домой, я не мог думать ни о чем, кроме Хартли, и решил, что парочка кругов, а еще лучше – тридцать, поможет мне отвлечься. Только вот это не сработало. В голове по-прежнему полно грязных мыслишек об этой девчонке, а вдобавок к этому я теперь мокрый и раздражительный.

– Истон, – рычит Рид. – Ты здесь?

– Да здесь я.

– Так ты переспал со своей учительницей или нет?

– Хм, да. И что с того? – дерзким тоном отвечаю я. – Я и раньше спал с училками.

– Да, но только сейчас ты в выпускном классе.

– И?

– Тебе пора повзрослеть. Элла с ума сходит, беспокоясь за тебя.

– Лучше бы она беспокоилась о том, как бы ты не стал ходить налево.

Повисает мертвая тишина. Рид, видимо, старается не заорать на меня. Должно быть, его разрывает от усилий.

Я усмехаюсь в трубку.

– Ладно, дедуля, спасибо, что позвонил. Так мило знать, что Элла всегда сдаст меня, как только я накосячу.

– Ист, – его голос сначала звучит резко, но потом смягчается, – она заботится о тебе, вот и все. Как и мы все.

– О, я чувствую себя таким любимым. – Закатив глаза, я вытаскиваю из комода джинсы и рывком натягиваю их на бедра. – Рид, мы закончили? А то ужин уже готов.

– Нет, мы не закончили, – говорит он, и, несмотря на то что мне ничего не стоит взять и повесить трубку, я все равно, словно повинуясь инстинкту, жду, что он скажет, потому что Рид – мой старший брат и всегда был для меня примером. – Как там новый квотербек, идет на поправку?

– Нет. Ситуация с его разбитым коленом оказалась хуже, чем мы думали, – он вылетел на весь сезон. А на замене у него два ученика девятого класса, которые не смогут сделать нормальный пас, даже чтобы спасти свои жизни.

– Вот дерьмо.

– Угу. Даже подумать никогда не мог, что кто-то из «Астора» может быть настолько убогим спортсменом. Почему они просто не завалили Уэйда на экзаменах?

– Он бы все равно уехал. Вэл сильно расстроена?

– Да нет, она сказала, что он был просто парнем, который помог ей прийти в себя. К тому же она не думает, что парни могут хранить верность, оказавшись на расстоянии от своей половинки.

И я не могу винить девчонку. Ее первый бойфренд начал изменять ей в ту же минуту, как ступил на территорию кампуса колледжа.

В трубке раздается вздох Рида.

– Понимаю. У нее был неудачный опыт. Надеюсь только, эта точка зрения не передастся и Элле. Позаботься об этом ради меня, ладно?

– Ну уж нет. У меня нет никакого желания шпионить за Вэл Каррингтон. И вообще следить за тем, чтобы Элла была счастлива, – это твоя обязанность. Не моя.

Я вешаю трубку, пока он не успел ничего сказать. Из нас двоих Рид всегда был главным, но сейчас дома его нет. Он уехал в колледж, играет в защите в одной из лучших университетских программ по американскому футболу в стране. У него есть девушка, которая его обожает, и возможность начать все сначала.

Что же до меня, то я прикован к Бэйвью в буквальном смысле. Папа предупредил аэродром, что мне не позволено летать. Говорит, я должен доказать, что могу быть трезвым и ответственным. Но это мой последний год в школе – какой смысл быть трезвым и ответственным? К тому же я не собираюсь летать пьяным. Не такой же я дурак, но отец мне не верит.

И хотя я могу позволить себе купить маленькую обтекаемую «сессну», у меня не хватит денег, чтобы подкупить авиадиспетчеров. Хреново, как ни крути, и из-за

этого у меня вечно плохое настроение.

Мне приходится делать одно и то же, в том числе спускаться вниз, чтобы поужинать со всей семьей. Эта традиция умерла вместе с мамой, но возродилась, когда папа привез к нам Эллу. Ну а после того, как биологического отца Эллы, Стива О’Халлорана, арестовали по обвинению в убийстве, от этих семейных ужинов стало вообще никак не отделаться. Нам нельзя пропускать их, даже если кто-то явно не в духе и не жаждет проводить время в кругу семьи.

Как, например, сегодня вечером. Близнецы, Себастиан и Сойер, выглядят уставшими – наверное, из-за жесткой тренировки по лакроссу. У Эллы вид задумчивый, у папы – изможденный.

– В твоем огромном шкафу что, не нашлось футболки? – вежливо спрашивает меня отец.

С тех пор как в нашу семью вошла Элла, Каллум Ройал в совершенстве овладел взглядом осуждающего папочки. Раньше ему было плевать на то, что мы делали, как одевались, но теперь он нам спуску не дает.

Я смотрю на свою голую грудь, потом пожимаю плечами.

– Хочешь, чтобы я поднялся наверх и поискал?

Он качает головой.

– Нет уж, ты и так заставил себя ждать. Садись, Истон.

Я сажусь. Мы едим в патио, которое выходит на огромный, в форме почки бассейн. Вечер выдался теплым, дует приятный ветерок. Но за столом, где сидим мы впятером, как-то пусто. Просто непривычно, когда нет ни Гида, ни Рида.

– Что-то ты бледный, – шутит Сойер.

Он младший из близнецов, но их вожак. Себ как-то сказал, что так Сойер компенсирует то, что родился последним. Себ тихий, но с отличным чувством

юмора.

Он усмехается.

– Это все его грудные мышцы. Он пропустил день в тренажерке и поэтому такой бледный и хилый.

– Маленькие засранцы, сейчас я покажу вам, кто здесь слабый. – Ухмыляясь, я приподнимаюсь со стула и машу кулаком этим двум шутникам. – Да у меня какахи больше, чем вы.

– Ага, ну, нас тут двое и…

– Так, все, хватит, – спешит вмешаться отец, пока Сойер не просветил нас о работе кишечника близнецов. – Еда остывает.

Упоминания о еде хватает, чтобы отвлечь нас. Наша экономка, Сандра, приготовила жареный картофель, запеченную морковь с чесноком и целую тонну ребрышек в соусе «барбекю». Мы с близнецами накидываемся на них, как голодные звери, в то время как папа с Эллой едят неторопливо и разговаривают.

– …шанс, что тебе придется давать показания во время суда над Стивом.

Я не особо обращал на них внимание, так что, когда речь заходит о Стиве О’Халлоране, это застает меня врасплох. В последнее время отец старается не упоминать Стива, если Элла где-то поблизости.

Элла замирает на стуле, ее спина прямая, как флагшток на лужайке частной академии «Астор-Парк».

– По-моему, адвокаты говорили, что показаний Дины будет достаточно.

Дина – настоящая ведьма, жена Стива и, соответственно, мачеха Эллы.

– Велика вероятность, что на трибуну для дачи свидетельских показаний тебя не вызовут, – успокаивает Эллу папа. – Но утром я говорил по телефону с окружным прокурором, и он упомянул, что это все же возможно. Я сказал тебе об этом,

чтобы ты не растерялась, если именно так и произойдет.

Элла по-прежнему напряжена. И я понимаю, почему она так расстроена. На лицах близнецов одинаковое выражение отвращения.

Стива обвинили в убийстве несколько месяцев тому назад, но за решеткой он не провел ни секунды. Он выплатил за себя залог в пять миллионов долларов, сдал паспорт и лицензию пилота и, к несчастью, соблюдал все условия своего освобождения из-под стражи до рассмотрения дела судом. Когда у тебя есть деньги и хорошие адвокаты, ты и дня до своего обвинения не проведешь в тюрьме, а может, даже и после него. Папин юрист говорит, что до тех пор, пока судья считает Стива неопасным для общества, он свободен как чертова птица.

Если вы спросите меня, то вся эта фигня о презумпции невиновности – полное фуфло. Мы все знаем: он виновен – и поэтому бесимся из-за того, что Стив до сих пор не в тюрьме за содеянное. Он не только убил женщину, так еще и отмалчивался, когда копы пытались повесить это убийство на Рида.

Правда, жертвой была Брук Дэвидсон, злобная гадина, которая хотела уничтожить мою семью, и все же… Хотя Брук была той еще стервой, она все равно не заслуживала смерти.

– Эй, папа, – осторожно спрашивает Сойер.

Отец переводит взгляд на своего самого младшего сына.

– Что?

– Когда начнется судебный процесс над Стивом… – Сойер на секунду умолкает, – они будут обсуждать все, что было между Стивом и… э-э…

Он закрывает рот, решив не заканчивать предложения.

Никто не договаривает за него, и у всех присутствующих за столом гримаса отвращения на лице. Себ поднимает руку и сжимает плечо брата. Папа берет Эллу за руку. Она закрывает глаза и делает несколько вдохов, чтобы успокоиться.

Я наблюдаю, как члены моей семьи пытаются справиться со своими эмоциями.

В последнее время мне совсем не хочется думать о маме. После того как Стив убил Брук, выяснилось, что мама изменяла папе с отцом Эллы. Немного запутанная фигня – что есть, то есть.

Но дело в том, что я даже не могу злиться на маму за ее измены. Отец почти не появлялся дома. Он был слишком сосредоточен на «Атлантик Эвиэйшн», нашей семейной компании, и, пока подолгу отсутствовал, Стив настраивал маму против папы, наговаривая, что тот изменяет ей.

Но я злюсь на нее за то, что она умерла, за то, что она приняла те таблетки. Рид говорит, что это точно не могли быть те же самые колеса, что я хранил в своей комнате, но откуда ему знать? Тогда я крепко сидел на аддералле и окси. Сначала аддералл мне прописывали совершенно законно, но потом этого стало мало, и я нашел дилера в школе. Он предложил мне принять немного окси, типа он поможет забыться. Чувак оказался прав. Это все действительно помогало, но кайф был недолгим.

Когда мама нашла мою заначку, то пригрозила отправить меня в реабилитационную клинику, если я не возьмусь за ум. Я пообещал ей исправиться. И не стал спрашивать, что она собиралась сделать с таблетками. Просто отдал ей бутылочки, потому что был пятнадцатилетним подростком, который отрезал бы себе руку, если бы она попросила. Настолько сильно я ее обожал.

Так что вполне вероятно, что это я убил маму. Рид утверждает, что это не так, но что ему еще говорить. Он никогда не скажет мне, что это я ее убил. Или, вернее, моя зависимость. Стоит ли удивляться тому, что я раздолбай, который уничтожает сам себя?

Сейчас я уже не сижу на колесах. Мамина смерть от передозировки не на шутку меня напугала, и я пообещал своим старшим братьям, что больше никогда не притронусь к этой дряни. Но мои зависимости никуда не делись. Мне приходится утолять их другими, более безопасными, способами: выпивкой, сексом и кровью. Сегодня вечером я, наверное, выберу кровь.

– Истон.

Элла с обеспокоенным лицом внимательно наблюдает за мной.

– Что? – протягивая руку за стаканом с водой, спрашиваю я.

Слава богу, тему суда перестали обсуждать. Папа и близнецы завели оживленный разговор о футболе. Неожиданно. Наша семья никогда не интересовалась футболом. Я иногда сомневаюсь, что в близнецах течет кровь Ройалов. Они играют в лакросс, смотрят футбол, не любят драки и не проявляют никакого интереса к летному делу. Однако у них мамины черты и голубые глаза Ройалов.

– Ты улыбаешься, – обвиняющим тоном говорит Элла.

– И что? Улыбаться – это плохо?

– Это одна из твоих кровожадных улыбочек. – Бросив быстрый взгляд через стол, чтобы убедиться, что папа не обращает на нас внимания, она шипит: – Сегодня собираешься драться, да?

Я провожу языком по нижней губе.

– О да.

– Ох, Ист! Пожалуйста, не надо. Это слишком опасно. – Элла с тревогой на лице поджимает губы, и я понимаю, что она вспоминает тот вечер, когда во время одного из боев Рида пырнули ножом.

Но то была чистая случайность, к самому бою не имевшая никакого отношения. Дэниел Делакорт, старый враг, нанял какого-то парня, чтобы прикончить Рида.

– Этого больше никогда не повторится, – уверяю я ее.

– Откуда ты знаешь? – Элла полна решимости. – Я еду с тобой.

– Нет.

– Да.

– Нет. – Я повышаю тон, и папа обращает свой суровый взгляд на нас.

– О чем это вы спорите? – с подозрением спрашивает он.

Элла с усмешкой ждет, что я придумаю, чтобы отмазаться. Черт побери! Если я и дальше буду спорить с ней, она расскажет папе, что я собираюсь в доки, а мы оба знаем, насколько сильно это ему не нравится, особенно с тех пор, как Рида пырнули там ножом.

– Мы с Эллой не можем решить, какое кино будем смотреть перед сном, – вру я. – Она хочет какую-нибудь романтическую комедию. Я, естественно, голосую за все что угодно, кроме этого.

Близнецы закатывают глаза. Они сразу распознают ложь. Но папе зашло. По патио прокатывается его низкий смешок.

– Уступи, сын. Ты же знаешь, в конце концов женщина всегда добивается того, чего хочет.

Элла награждает меня сияющей улыбкой.

– Да, Истон. Я всегда добиваюсь того, чего хочу. – Когда я поднимаюсь, чтобы наполнить свой стакан, она следует за мной. – Я буду ходить за тобой как приклеенная. А когда ты соберешься драться, устрою такую сцену, что ты больше никогда не сможешь там появиться.

– А ты можешь пойти и подоставать близнецов? – жалобно спрашиваю я.

– Не-а. Все мое пристальное внимание принадлежит исключительно тебе.

– Рид, наверное, не перестает радоваться, что больше не под твоим каблуком. – Я слышу, как у Эллы перехватило дыхание, а когда поднимаю глаза, то вижу, что ее щеки из розовых стали белыми. Ой, вот черт. – Я не это имел в виду. Ты же знаешь, как ему невыносимо быть вдалеке от тебя.

Элла шмыгает носом.

– Серьезно. Он звонил мне до ужина и плакался о том, как скучает по тебе. – Тишина. – Прости, – говорю я, по-настоящему чувствуя себя виноватым. – Мой язык работает быстрее мозгов. Ты это знаешь.

Элла поднимает бровь.

– Ты должен остаться дома, тогда я тебя прощу.

Шах и мат.

– Слушаюсь, мэм. – И я смиренно возвращаюсь вслед за ней за стол.

– Сдался без боя? – шепчет мне Сойер, когда мы занимаем свои места.

– Она чуть не заплакала.

– Черт.

После десерта я пихаю Эллу ногой и киваю в сторону близнецов. Она кивает в ответ и поворачивается к отцу.

– Каллум, нам с Истоном нужно сделать домашнюю работу по математике. Вы не возражаете, если мы пойдем?

– Нет, конечно же. – Он машет рукой, чтобы мы уходили.

Мы с Эллой сбегаем в дом, оставив близнецам уборку стола. Раньше у нас для такой работы была прислуга, но после маминой смерти папа всех уволил, за исключением Сандры, которая нам готовит, и своего шофера, Дюрана. Пару раз в неделю приходят горничные, но они не живут в доме.

За нашими спинами Сойер и Себ ворчат о том, что они опоздают на свидание с Лорен, их девушкой. Но мне их нисколечко не жаль. По крайней мере, у них есть планы на вечер, и им не придется торчать дома.

Поднявшись наверх, я удобно устраиваюсь на своей огромной кровати и включаю телик. Футбольный сезон еще не начался, так что сегодня не транслируют никаких матчей. По спортивно-развлекательному каналу повторяют лучшие моменты игр межсезонья, но я едва обращаю внимание на экран: сейчас меня больше занимает мой список контактов. Я нахожу того, кого искал, и нажимаю кнопку вызова.

– Здорово, Ройал, – раздается глубокий баритон Ларри.

– Здорово, ботаник, – радостно отвечаю я.

Лоренс «Ларри» Уотсон – наш стодвадцатикилограммовый защитник, приятель, на которого всегда можно положиться, и настоящий компьютерный гений. – Окажи мне одну услугу.

– Выкладывай.

Ларри – самый добродушный парень в мире, всегда готов прийти на помощь другу, особенно если при этом ему нужно применить свои навыки хакера.

– Ты еще можешь влезть в главный компьютер «Астор-Парка»? У меня тут в коробке ждут своего часа «Токио 23».

– «Эйр Джордан файв», которые выпускали только в Японии? – Он говорит так, будто сейчас заплачет. Ларри с ума сходит по кроссовкам, и он всегда хотел заполучить эту пару, которую мой папа купил во время командировки в Японию.

– Они самые.

– Что ты хочешь? Оценки еще не выставляли.

– Информацию об одном из учеников. Полное имя, адрес, номер телефона, всякое такое.

– Чувак, это же обычные контактные данные. Ты когда-нибудь слышал про «Гугл»?

– Я даже не знаю ее фамилии, осел.

– Ее, говоришь? – В моем ухе раздается его смех. – Ни фига себе! Истон Ройал ищет девчонку.

– Так ты мне поможешь или как?

– Как ее зовут? Может, я ее знаю.

– Хартли. Она в выпускном классе. Около метра пятьдесят. Длинные черные волосы. Серые глаза.

– Ну да! – тут же говорит Ларри. – Я ее знаю. У нас с ней общий курс по продвинутой политологии.

Я оживляюсь.

– Да? И ты знаешь ее фамилию?

– Райт.

Я закатываю глаза.

– «Райт» – в смысле «да», ты знаешь ее фамилию, или просто отвечаешь мне наобум?

– Райт.

Меня охватывает раздражение.

– Что райт?

На том конце грохочет смех.

– Райт, – хрипит Ларри через гоготание. – Р-А-Й-Т. Ее зовут Хартли Райт. Черт, мужик, ну ты и тупица!

Ой, ладно, я тупица.

– Прости, чувак. Я понял. Хартли Райт. А что-нибудь еще ты о ней знаешь? У тебя есть номер ее телефона?

– Зачем мне ее номер телефона, бро? Я встречаюсь с Алишей. – Ларри опять говорит со мной таким тоном, словно спрашивает: «Ты с планеты тупых?» – Дай мне пять минут. Я тебе перезвоню.

Он вешает трубку. Чтобы убить время, я смотрю повторы матчей. Проходит уже минут десять, но точно никак не пять, когда мобильник в моей руке начинает пищать. Я смотрю на экран, широко улыбаюсь и отправляю Ларри короткое сообщение.

«Ты мастер».

«Я знаю», – отвечает он.

«Звтр притащу кроссы».

Не теряя времени, я начинаю изучать информацию, которую добыл мне Ларри. Там есть номер телефона, адрес и ссылка на статью в «Бэйвью Пост». Я перехожу по ссылке и узнаю, что отец Хартли, Джон Райт, несколько лет назад баллотировался на пост мэра, но проиграл гонку. А еще, как сказано в статье, мистер Райт является помощником прокурора округа Бэйвью.

Я пытаюсь вспомнить, когда в последний раз был в зале суда. Когда с Рида сняли обвинение в убийстве и предъявили обвинение Стиву. Разве фамилия обвинителя была Райт? Нет. Вроде… Диксон или как-то так. И еще я на все сто уверен, что он был окружным прокурором, а не его помощником.

Я пролистываю статью до тех пор, пока мне не попадается фотография семейства Райт. Перед огромным особняком в колониальном стиле стоит Джон Райт, одетый в серый костюм. Его рука обнимает даму средних лет с аппетитными формами, которая, судя по подписи, его жена Джоани. Рядом с ней стоят три дочери – все трое унаследовали от матери роскошные волосы, черные, как вороново крыло, и серые глаза. Похоже, Хартли – средняя. На фотографии ей

лет четырнадцать, и я ухмыляюсь, заметив у нее на лбу выступающий прыщик.

Я начинаю рыться в своем рюкзаке, даже не до конца осознав, что именно делаю. Вытаскиваю тетрадку с записями по математике. Хартли пропустила целую неделю занятий, значит, отстает от нас. Завтра, когда она придет на урок, будет в полной растерянности… если, конечно, кто-нибудь не проявит благородство и не поможет ей нагнать упущенное. Ведь это самое меньшее, что одноклассник может сделать для нее, разве нет?

Натянув свободную футболку, я украдкой проскальзываю в кабинет на втором этаже, который делю с братьями и Эллой, при этом прекрасно понимаю, что веду себя как безнадежный лузер. Я ведь не обязан делать копии. Сейчас не какие-то там доисторические времена. Я вполне могу сделать фотографии своих записей и отправить их прямиком Хартли. У меня же есть ее номер, в конце концов.

Но нет. Я делаю самые настоящие копии, которые потом сшиваю степлером и засовываю в папку, которую нашел в одном из ящиков стола.

– Что ты делаешь?

Элла преграждает мне путь как раз в тот момент, когда я уже собираюсь выходить из кабинета. Ее синие глаза смотрят на меня с подозрением.

– Хочу забросить другу домашнюю работу.

Я поднимаю папку, а потом открываю ее, чтобы моя везде сующая свой нос сводная сестра смогла убедиться, что там действительно школьные записи.

– В восемь часов вечера?

Я изображаю изумление.

– Восемь часов?! Офигеть! Уже так поздно! Бегом спать!

– Хватит дразнить меня, – бурчит Элла, но, судя по выражению ее лица, она едва справляется с собой, чтобы не засмеяться. Но все равно фыркает. – Ладно, я веду себя глупо.

– Угу.

Элла сжимает мою руку.

– Только потом не надо ехать в доки, ладно? Обещай мне, что не поедешь.

– Обещаю, – послушно отвечаю я и убегаю прочь, пока она не начала снова выносить мне мозг.

Поездка до дома Хартли не занимает много времени: Бэйвью не самый большой город. Райты живут в районе, удаленном от моря, в том самом колониальном особняке с фотографии. Красивый дом. Не такой большой, как мой, но, опять же, Райты не Ройалы.

До дома Райтов остается около километра, когда из-за поворота на огромной скорости резко выскакивает знакомый черный «ровер». Уклонившись от него, я нажимаю на клаксон. Из-за руля мне весело машет рукой Сойер, а Себастиан показывает «козу».

Вот два придурка! На заднем сиденье – Лорен, которая, наверное, живет где-то неподалеку.

Я паркую машину на обочине перед домом Хартли. Выпрыгивая из пикапа, вдруг понимаю, что у меня почему-то вспотели ладони, и вытираю их о свои рваные джинсы. И тут меня одолевают сомнения: может, мне стоило сначала переодеться, прежде чем отправляться сюда? Заношенная футболка и джинсы с дырками вряд ли помогут мне произвести хорошее впечатление, особенно на предков Хартли, если вдруг я с ними столкнусь.

Хотя с чего это я так переживаю о том, какое впечатление произведу на Хартли или членов ее семьи? Я хочу переспать с этой девчонкой, а не жениться на ней.

Я звоню в звонок, и дверь мне открывает мама Хартли. Я узнал ее по той фотографии.

– Здравствуйте, – с легким холодком в голосе приветствует она меня. – Чем могу помочь?

– Привет. Э-э… – Я перекладываю папку из одной потной руки в другую. – Я приехал, чтобы… м-м…

Проклятье! Это была дурацкая затея. Надо было просто послать ей сообщение с фоткой своих кубиков или придумать что-нибудь типа того. Только идиот может показаться на пороге у чужих людей без предупреждения…

Нет. К черту все сомнения! Я Истон, мать его, Ройал! С чего это я должен чувствовать неуверенность в себе?

Я глубоко вздыхаю и начинаю снова, в этот раз четко и уверенно.

– Я приехал к Хартли.

У Джоани Райт округляются глаза.

– О! – пищит она и нервно оглядывается через плечо.

Мне не видно, на кого она смотрит, – может, на Хартли? Возможно, она стоит вне поля моего зрения и беззвучно просит свою мать отделаться от меня?

Миссис Райт поворачивается ко мне.

– Простите, – говорит она, и тон ее голоса снова становится ледяным. – Хартли здесь нет. А вы кто?

– Истон Ройал. – Я поднимаю папку. – Привез ее конспекты по математике. Мне оставить их вам?

– Нет.

– Нет? – Я морщу лоб. – Тогда что мне делать с…

Мне не удается закончить предложение.

Мама Хартли захлопывает дверь прямо перед моим носом.

Глава 4

Я ложусь рано. Этой ночью я не ездил драться, поэтому тело не болит, и на следующее утро чувствую себя превосходно. В кои-то веки я успеваю выпить кофе и съесть бейгл на завтрак. В школе останавливаюсь у шкафчика Ларри и бью кулаком по дверце рядом с замком. Та распахивается, и я засовываю внутрь коробку с кроссовками. Потом иду в раздевалку – поразительно, но я успеваю на нашу утреннюю тренировку. Когда вхожу, товарищи по команде встречают меня аплодисментами.

– Ну ни фига себе! – восклицает Ларри. – Без десяти шесть, а Ройал уже здесь.

Кто-то усмехается.

– Наверное, ад замерз.

– А может, он проиграл спор, – иронизируют ребята.

Я закатываю глаза и иду к своему шкафчику. У двери в подсобку замечаю тренера Льюиса, который разговаривает с коротко стриженным парнем.

Хоть я пришел на десять минут раньше, но все равно позже. Тренер хлопает в ладоши, увидев меня, и говорит:

– Отлично. Все в сборе.

Я смотрю на Коннора Бэббиджа – тот стоит, прислонившись к своему шкафчику, – и незаметно киваю в сторону тренера. Коннор пожимает плечами, словно отвечая: «Понятия не имею, кто это».

Тренер выходит вперед.

– Ребята, это Брэндон Мэтис. Он только что перевелся в «Астор» из «Беллфилд Преп». И он наш новый квотербек.

Все в раздевалке, включая меня, облегченно выдыхают. Никто даже не оборачивается, чтобы посочувствовать двум девятиклассникам на скамейке запасных. Они уже доказали свою полную беспомощность, да и сами только что с облегчением восприняли озвученную тренером новость.

– Мэтис, – рявкает тренер. – Ты хочешь что-нибудь сказать своей команде?

Новенький улыбается нам. Высокий, приятной внешности, да еще и дружелюбный? Я уже прямо вижу, как на пол падают трусики девчонок «Астора».

– Только то, что буду рад со всеми вами подружиться и забрать домой кубок.

Несколько игроков одобрительно кивают. Я же пока присматриваюсь к Мэтису.

Тренер переводит взгляд на меня.

– А ты, Ройал? Тебя устраивает эта перемена?

Теперь, после того как Рид окончил школу, я стал негласным лидером защиты. Если я приму Мэтиса, остальные ребята последуют моему примеру. Тренер это знает.

– Ого, тренер! Неужели вам не все равно, что я чувствую? – Я утираю несуществующую слезинку. – Я так тронут!

– Плевать я хотел на то, что ты чувствуешь, парень. Я просто знаю, сколько проблем может быть с вами, Ройалами. – Он хмуро смотрит на меня. – Но сегодня никаких проблем не будет, да, Ройал? Ты примешь своего нового квотербека с распростертыми объятиями, верно?

Я притворяюсь, что обдумываю его слова.

– Ройал, – предостерегает он.

Я широко ухмыляюсь.

– Нет, со мной не будет никаких проблем. – Я широко развожу руки в стороны и одариваю Мэтиса сияющей улыбкой. – Иди сюда, здоровяк, дай обниму!

Кое-кто из моих товарищей по команде прыскает от смеха.

Мэтис, кажется, ошарашен.

– Э-э, вообще-то, я не очень люблю обниматься.

Я опускаю руки.

– Черт, тренер, я приветствовал его с распростертыми объятиями – в буквальном смысле, – а он отказался обниматься со мной!

Бэббидж взрывается смехом.

Тренер вздыхает.

– Это фигура речи, парень. Просто пожми ему руку.

Не переставая смеяться, я делаю шаг вперед и жму руку Мэтису.

– Рад, что ты в нашей команде, – говорю я ему.

И это сущая правда. Нам кровь из носу нужен квотербек, который способен бросать чертов мяч.

– И я рад, что теперь с вами, – отвечает Мэтис.

Тренер снова хлопает в ладоши.

– Все, парни, переодевайтесь и марш на силовые упражнения!

Я снимаю с себя форму «Астор-Парка». Рядом со мной Доминик Уоррен натягивает баскетбольные шорты.

– Йоу, Мэтис, – кричит через комнату Дом. – Как у вас в «Беллфилде» с дырками?

– С дырками? – переспрашивает новенький.

– Да, с дырками. Ну, ты понимаешь. С телками. – Дом садится на лавку и наклоняется, чтобы завязать шнурки. – Я подумываю о том, чтобы найти себе девчонку в «Беллфилде» – все эти чики из «Астора» мне уже поперек горла.

Мэтис улыбается.

– Эй, а я слышал, что в «Астор-Парке» девчонки просто отпад.

– Ага, они красивые, – соглашается Дом. – Но им всем как будто палки в задницы воткнули. Их папочки миллионеры, понимаешь? И большинство из них ведут себя так, будто делают тебе одолжение, всего лишь заговорив с тобой.

– Не у всех палки в задницах, – не соглашаюсь я, думая об Элле и Вэл, двух самых классных девчонках из всех, кого знаю.

Я бы и Хартли к этому списку добавил, но только еще не успел узнать ее получше. А вот у ее мамаши точно в заду палка, а то и две. Какой черт вчера вселился в эту женщину? Я встречал не одну чопорную, высокомерную богатую стерву, но даже у самых-самых из них было понятие об элементарных манерах. Мы же южане, бога ради! Тебя сперва приглашают в дом, угощают стаканом холодного чая и куском пирога и только потом… Но захлопывать двери перед носом… Так никто не делает!

Дом закатывает глаза.

– А вот еще кое-что, что тебе нужно знать, – говорит он Мэтису. – Вот этот вот Ройал переспал с каждой девчонкой в этой школе.

– Я бабник, – обувая кроссовки, соглашаюсь я. – Держись меня, квотербек, и у тебя не будет проблем с противоположным полом.

Усмехаясь, Мэтис подходит ко мне.

– О, спасибо, Ройал. Кстати, как тебя зовут?

– Истон Ройал, – отвечаю я.

– И как тебя лучше называть?

– Да как хочешь. А ты что предпочитаешь: Мэтис или Брэндон?

– Вообще-то, Брэн.

– Брэн? Как та дрянь в кашах, от которой лучше срешь?

Мэтис смеется, закинув голову.

– Да, точнее и не скажешь. – Он бьет меня по плечу. – А ты забавный парень, Ройал.

А то я не знаю.

Когда мы заходим в зал, Мэтис все еще смеется. Обычно я выбираю в партнеры Паша или Бэббиджа, но сейчас не против познакомиться с нашим новым квотербеком и поэтому предлагаю подстраховать его.

– Конечно, – с благодарностью отвечает Брэн.

Он ложится на лавку. Я встаю в изголовье, мои руки замирают над тяжелой штангой. Рассматривая руки Мэтиса, я отмечаю, какие они длинные и мускулистые. Надеюсь, бросок у него что надо.

– Значит… «Беллфилд Преп»? Ты жил в Хантерс-Пойнте, да? – спрашиваю я, имея в виду городок в двадцати минутах езды на запад от Бэйвью.

– Вообще-то, я до сих пор там живу. Мои родители не стали переезжать, чтобы я мог добираться до «Астора» за пятнадцать минут. Мама слишком сильно любит свой сад, чтобы оставить его.

– Чем занимается твоя семья?

– В смысле?

– На чем нажили состояние Мэтисы? – сухим тоном поясняю я. – Нефть? Экспорт? Транспортировки?

– А, это. Нет никакого состояния. Я думаю, мы относимся к среднему классу. Моя мама – учительница, папа – бухгалтер. Я здесь на стипендии, иначе наша семья не смогла бы оплатить учебу: она здесь в десять раз дороже, чем в «Беллфилде». – Он ставит штангу на место и делает пару глубоких вдохов. От усилий его лицо раскраснелось.

– Ясно, понял.

Я чувствую себя глупо из-за того, что сделал преждевременные выводы. Мэтис – классный парень. И он даже бровью не повел, когда я начал задавать вопросы, не обиделся на них и не устыдился своего социального статуса. Не то чтобы я хвастался миллиардным состоянием своего отца – какое отношение имеют ко мне его деньги?

Мы, продолжая разговаривать, меняемся местами, и теперь я поднимаю штангу, а Мэтис страхует меня. Он рассказывает, как в прошлом году начал регулярный сезон в команде «Беллфилда», но сломал запястье и не смог попасть в плей-офф. Заменявший его игрок в первой же игре три раза потерял мяч, и именно поэтому «Астор-Парк» ни разу не сыграл с «Беллфилдом». Они никогда не попадали в плей-офф, а теперь все, наверное, злятся, что Брэн ушел играть в «Астор».

– Но «Астор» открывает лучшие возможности, понимаешь? – говорит он. – Хорошее образование, плюс полезные связи.

Я даже и не думал об этом, потому что никогда не вращался за пределами социального круга «Астора». Если ты был частью этого мира, то сначала учился в школе Святой Марии для мальчиков и девочек, пусть даже твоя семья не была особо религиозной. После школы Святой Марии ты шел в Академию Лейк-Ли, ну а потом – в «Астор».

Мы растем на благодатной почве привилегированного класса, со всеми нашими трастовыми фондами, роскошными тачками и дизайнерской одеждой. И частными самолетами, если ты Ройал.

– Какая у вас в «Беллфилде» тусовка? – спрашиваю я.

Судя по тем парням, с которыми я дерусь, единственное различие между мажором из частной академии «Астор» и парнем из дока – цена за выпивку, которую мы пьем. У всех нас красная кровь, и всем бывает больно.

– Я не особо часто хожу на вечеринки. Не пью.

– В смысле во время сезона?

– Вообще. У меня очень строгие родители, – признается Брэн, когда я соскакиваю с лавки, выполнив упражнения. – Мой отец – фанат футбола. В нем вся его жизнь, буквально. Он следит за тем, что я ем и пью. Мы даже наняли диетолога, который раз в неделю приезжает к нам домой с новым планом питания. С семи лет у меня личный тренер.

Похоже на оживший кошмар. Представить себе не могу, чтобы мой отец отслеживал, сколько токсинов попадает в мое тело. Их так много, что он бы просто не успевал считать. Единственное, где он по-настоящему проявляет твердость, – это полеты. Но как бы меня ни напрягало то, что мне закрыт доступ к кабине пилота, я понимаю, что это, скорее всего, в большей степени связано с одним судебным процессом, с которым папе пришлось разбираться некоторое время назад. Один из летчиков-испытателей «Атлантик Эвиэйшн» погиб, и расследование выявило злоупотребление спиртным. С тех пор отец очень строг в отношении алкоголя и летной работы.

– Это жесть, – участливо говорю я.

Брэн пожимает плечами.

– Футбол – мой билет в лучшую жизнь. Эта жертва того стоит. К тому же твое тело – твой храм, верно?

Я беру полотенце и вытираю вспотевшую шею.

– Нет, мужик, – с ухмылкой отвечаю я. – Мое тело – это игровая площадка. Хотя нет, подожди. Это парк развлечений. Истонленд. Девчонки сбегаются отовсюду, чтобы на собственном опыте испытать сумасшедшие поездки на аттракционах Истонленда.

Мэтис ржет.

– Ройал, ты всегда такой самоуверенный засранец?

– Всегда! – подтверждает Паш с другого конца тренажерного зала.

– Серьезно, это чертовски бесит, – вмешивается другой товарищ по команде, Престон.

– Они просто завидуют, – объясняю я Мэтису. – Особенно Престон.

Затем театральным шепотом добавляю:

– Бедняга все еще девственник. Только ш-ш-ш, никому не говори.

Престон показывает мне средний палец.

– Да пошел ты, Ройал! Это же неправда.

– Тебе нечего стыдиться, – снисходительным тоном говорю я, наслаждаясь тем, как краснеет его лицо. Престона легко подколоть. – Кто-то же должен обменяться кольцами невинности с дебютантками.

Мы перебрасываемся шутками и пошлостями до конца тренировки, и пусть это весело, я все равно расстроен тем, что сегодня мы только поднимали тяжести. Я бы с удовольствием выплеснул немного агрессии на грунте, но тренер уделяет нашей физической подготовке внимания не меньше, чем полевым упражнениям.

Быстро приняв душ, я переодеваюсь в школьную форму и марширую по школе в единственно возможном направлении – к шкафчику Хартли Райт.

Первое, что я вижу возле него, – это задница Хартли. Ну, почти. Она стоит на цыпочках, пытаясь что-то достать с верхней полки. Ее юбка приподнялась, обнажая голое бедро.

А она не укорачивает свою юбку. Все остальные девчонки в «Асторе» подворачивают юбки настолько, насколько это может стерпеть Берингер. Хартли же демонстрирует ее подлинную длину – до колен.

– Давай достану, – предлагаю я.

Она испуганно вздрагивает и ударяется головой о нижнюю полку.

– Ой! – вскрикивает Хартли. – Черт бы тебя побрал, Ройал!

Я усмехаюсь, а она потирает голову.

– Прости, просто хотел помочь. – Я подаюсь вперед и достаю учебник, за которым она тянулась. – Кстати, может, не стоит складывать вещи на самую верхнюю полку, если ты такая коротышка?

Хартли сердито смотрит на меня.

– Я не коротышка.

– Да неужели? – Я выгибаю бровь, глядя на нее сверху вниз.

– Да, неужели, – настаивает она на своем. – У меня просто нестандартные вертикальные пропорции.

– Ну ладно, давай будем называть это так. – Я передаю ей учебник, а потом роюсь в своем рюкзаке. – Кстати, раз уж я такой потрясающий и любезный…

– Никто не говорил, что ты потрясающий или любезный, – перебивает меня Хартли.

Я не обращаю на нее внимания.

– Я сделал для тебя копии своих конспектов по математике. Ты ведь начинаешь сегодня, верно?

Хартли медленно кивает и, глядя на меня с подозрением, берет конспекты.

– Это очень… мило с твоей стороны.

У меня такое чувство, что она скорее ударит себя, чем сделает мне комплимент, и от этой мысли на моем лице появляется широченная улыбка.

– Всегда пожалуйста.

– Я не сказала «спасибо».

– Ты сказала, что я потрясающий…

– Этого я тоже не говорила.

– …что почти то же самое, что «спасибо». – Я придвигаюсь ближе и глажу ее по голове. Она отталкивает мою руку. – Так что всегда пожалуйста. Кстати, вчера вечером я заезжал к тебе домой и…

– Ты что? – взвизгивает Хартли.

– Я заезжал к тебе домой. – Я пристально смотрю на нее. – Это что, запрещено?

– Кто открыл дверь? – требовательным тоном спрашивает она. – Моя сестра? Как она выглядела?

Как она выглядела? Хартли ведет себя так, будто там не живет.

– Не знаю. Дверь открыла твоя мама, а когда я спросил, дома ли ты, она сказала «нет» и захлопнула дверь прямо у меня перед носом. Как это понимать?

– Моя мама не самый приятный в мире человек, – со смирением в голосе отвечает Хартли.

– Да ну?

В коридоре начинает собираться народ. Я замечаю, что в пяти шагах от нас притаились Фелисити и парочка ее подружек. Судя по их виду, им очень интересно, о чем я разговариваю с Хартли. Я слегка разворачиваюсь на месте, чтобы загородить им обзор.

– Ну и где ты была? – спрашиваю я. – На горячем свидании?

– Нет. Я не хожу на свидания. – Ее голос звучит рассеянно, и она грызет ноготь на большом пальце.

– Вообще не ходишь?

– Сейчас не хожу. У меня нет времени на это.

Я хмурюсь.

– Почему?

Она смотрит на меня.

– Ты очень клевый…

Приободрившись, я распрямляю плечи, но Хартли еще не закончила.

– …и в другой жизни я бы с радостью ухватилась за шанс сходить с тобой на свидание, но у меня нет ни времени, ни энергии встречаться с парнем вроде тебя.

– И что, черт побери, это значит?

– Это значит, что мне пора на урок. – Она с силой захлопывает дверь своего шкафчика.

– Тогда увидимся за ланчем.

Ответа не следует. Но я же Истон Ройал. Мне не нужен ее ответ. Я знаю, что она изменит свое мнение. Они все так делают.

Глава 5

Я впустую трачу десять минут обеденного перерыва на ожидание Хартли, но, когда живот начинает урчать, устало тащусь в столовую. Да что с ней такое? Она призналась, что я «суперклевый» и что хочет быть со мной. Этим все сказано. Почему же она продолжает избегать меня? У нее нет на меня времени? Я что, похож на какого-то прихотливого парня, который требует к себе постоянного внимания? Ха.

– Истон! Сюда! – раздается пронзительный голос.

Я морщусь. Клэр никак не хочет отпустить меня, хотя мы не встречаемся уже целый год. В отличие от Хартли, я знаю, что игнорировать людей невежливо, но в то же время понимаю, что стоит мне обратить на Клэр хоть капельку внимания, как она тут же истолкует это по-своему. Обычное приветствие в коридоре превращается в ее голове в предложение сходить на бал. Ну а если я сяду с ней за один стол во время обеда, она начнет рассылать приглашения на вечеринку по случаю скорой помолвки.

Я неспешно беру поднос и наполняю его едой, а затем иду через зал столовой. Хотя со всеми этими дубовыми панелями, которыми обшиты стены, круглыми

столами и огромными окнами от пола до потолка эта гигантская комната больше напоминает ресторан в частном клубе, чем столовую. Но это же «Астор-Парк». Мы купаемся в роскоши и достатке.

По-моему, я запал на Хартли потому, что мне стало скучно. Я знаю каждого в «Асторе» вот уже на протяжении трех лет. А кого-то, типа Фелисити Уортингтон, – с тех пор, как еще носил подгузники. И в пять лет она раздражала меня не меньше, чем сейчас.

Школа – это скука. Например, я уже знаю всю эту белиберду, которой нас учит мисс Манн. Я далеко не отличник, но это лишь потому, что материал для изучения очень легкий. Да и вряд ли мне пригодятся хорошие оценки для испытания самолетов: там достаточно просто быть уверенным в том, что делаешь. И я уверен. Просто сейчас мне еще не хочется это показывать.

Хартли – это приятное развлечение. Пазл, который только предстоит собрать. И если уж быть честным по отношению к ней, со мной приятно проводить время. Ей повезет, если у нее буду я. Так что мне лучше не сдаваться. В первую очередь – ради нее.

Подойдя к столу, за которым обычно обедаю, я вижу Эллу и ее лучшую подругу Вэл. А еще близнецов и их девушку Лорен.

Да-да, у Сойера и Себа одна девушка на двоих, но кто я такой, чтобы судить их? Вчера у меня был секс с учительницей по математике.

– Что случилось? – спрашивает Сойер, когда я опускаюсь на стул рядом с Эллой.

– Ничего, – вру я.

И тут же замечаю ехидное выражение лица Вэл, сидящей напротив меня.

– Ты врешь, – говорит она.

– Нет, – настаиваю я.

– Точно врешь. Я всегда знаю, когда ты врешь. – Она убирает за ухо прядь темных волос и наклоняется ко мне. – У тебя появляется маленькая морщинка, прямо вот тут… – Указательный палец Вэл проводит линию вдоль моего лба. – Типа «мне неприятно вас обманывать, но надо». Понимаешь, что я имею в виду?

Я ловлю руку Вэл раньше, чем она успевает ее убрать.

– Ты всего лишь ищешь причину, чтобы дотронуться до меня, да, Каррингтон?

Она усмехается.

– Думай что хочешь, Ройал.

– Именно так я и хочу думать, – мрачным тоном говорю я. – И думаю. Каждый раз, когда лежу в своей кровати совсем один.

– Бедняжка, – Вэл щиплет мою ладонь до тех пор, пока я не отпускаю ее руку. – Хотеть не вредно, Истон. Но все это богатство… – она театральным жестом указывает на себя, – неприкосновенно.

Я закатываю глаза.

– Почему? Хранишь свою невинность для несуществующего парня?

– Ауч! – Но Вэл ухмыляется. – Нет, я ни для кого не храню свою невинность. Просто ты меня в этом смысле не интересуешь.

– Ауч! – повторяю я, но мы оба знаем, что я тоже совсем не расстроился из-за ее слов.

– Честное слово, поверить не могу, что между вами до сих пор ничего не было, – со смехом говорит Элла. Она взяла себе пенне с курицей, но лишь ковыряет вилкой в тарелке. – Вы так похожи!

– И именно поэтому между нами никогда ничего не будет, – отвечает Вэл.

– Неправда, – возражаю я. – Один раз мы целовались.

У Эллы отвисает челюсть.

– Целовались?

Вэл уже собирается все отрицать, но вдруг взрывается смехом.

– Боже мой, точно! На вечеринке Мары Полсон, когда она праздновала свое шестнадцатилетие! Я и забыла об этом.

Я вздыхаю.

– Ой, а вот сейчас ты ранила меня в самое сердце. Как ты могла забыть, что мы целовались?

Элла ухмыляется, глядя на нас.

– Но вы не встречались?

Вэл качает головой.

– Мы решили, что для нас лучше всего будет остаться друзьями.

– Как жаль, – с печальным видом замечает Элла. – А так могли бы ходить на двойные свидания.

Я наблюдаю, как моя сводная сестра снова водит вилкой по тарелке. Рид попросил меня присматривать за ней, пока его нет в городе. Это я и делаю. Вот прямо сейчас смотрю, как она снова ничего не ест.

А еще я вижу, как задрался подол ее юбки, когда она наклоняется вперед и ставит оба локтя на стол. В отличие от Хартли, Элла подворачивает юбку. Риду всегда это очень нравилось. Не могу не согласиться с ним.

– Ист… – Это тихое предупреждение от Сойера. Мой младший брат заметил, куда направлен мой взгляд.

Элла тоже замечает это и шлепает меня по руке.

– Истон! Хватит пялиться на мою юбку!

Я притворяюсь невинным.

– Я ничего такого не делал.

– Врешь, – обвиняет она.

– Врешь, – поддакивает предатель Сойер.

Себ, сидящий рядом со мной, молча кивает. Маленькие засранцы всегда готовы объединиться против меня.

Перестав притворяться, я смотрю на Эллу со своей самой задорной улыбкой.

– Прости, сестренка. Привычка.

Вэл смеется.

– Привычка?

– Да, привычка. – Я пожимаю плечами. – Я вижу девчонку в короткой юбке и хочу знать, что под ней. Ну расстреляйте меня. К тому же… – поигрывая бровями, я беру золотистую прядь Эллиных волос и наматываю на палец: – Рид может прикидываться сколько влезет, но я первый из Ройалов попробовал твои губы на вкус. Мы все это знаем.

– Истон! – Щеки Эллы становятся пунцовыми.

– Но это же правда, – дразнюсь я.

– Это не значит, что мы должны вспоминать об этом. Вообще, – она сердито смотрит на меня, – ты прекрасно знаешь, что я просто использовала тебя, чтобы забыть Рида.

Я хлопаю себя ладонью по груди, где сердце.

– Ого! А я думал, это Вэл злыдня.

– Эй! – со смехом вскрикивает Вэл.

– Ой, да ладно, – взмахнув рукой, говорит Элла. – Ты тоже говорил, что влюблен в другую.

Я хмурю брови.

– Разве?

– Ага.

Засунув в рот несколько кусочков картошки фри, я медленно жую.

– Я был пьян, когда говорил это?

Элла на мгновение задумывается и потом кивает.

– В слюни.

– Так и думал. Когда я в стельку пьян, то болтаю всякие глупости.

А еще я абсолютно уверен, что когда целовался с Эллой, то не притворялся, что она – это какая-то другая девушка. Элла чертовски сексуальная. Еще до того, как она стала встречаться с моим братом, я хотел трахнуть ее, очень хотел.

Теперь от таких мыслей попахивает кровосмесительством, но мне все равно нравится дразнить ее по этому поводу.

– На тебя пялится какая-то девчонка, – сообщает Сойер, который с веселым любопытством смотрит куда-то за мою спину.

Я оглядываюсь, и мое настроение мигом становится еще лучше. За столиком рядом с окном сидит Хартли. На одну короткую секунду ее непроницаемые серые глаза встречаются с моими, но она быстро отводит взгляд.

– Кто это? – с интересом спрашивает Лорен, отпивая глоток воды «эвиан» из бутылки.

– Мой новый лучший друг.

Подмигнув окружающим меня изумленным лицам, я вскакиваю со стула и направляюсь к Хартли.

Не дожидаясь приглашения, сажусь на стул напротив нее и хватаю ролл из ее тарелки.

Хартли громко вздыхает.

– Ты еще не устал ходить за мной по пятам?

– А ты не устала играть в недотрогу?

– Я бы поняла твои переживания, если бы действительно играла в недотрогу, но в реальности, как бы тебе ни сложно было это принять, ты просто меня не интересуешь.

Я барабаню пальцами по столу. Это возможно. Существуют девушки, которых я не интересую. Наверное. Теоретически это может быть правдой.

– Ты выглядишь озадаченным.

– Если честно, меня еще никто никогда не отшивал. Я говорю так, не чтобы похвастаться, а потому что это правда. Я довольно хорошо в этом разбираюсь. А еще ты призналась, что я горячий парень.

– Я использовала слово «клевый» и еще сказала, что даже если бы хотела встречаться с кем-то, то не выбрала бы тебя. Вчера твоя рука была под юбкой учительницы.

Я не обращаю внимания на упоминание об учительнице и сосредотачиваюсь на положительных моментах.

– Клевый. Горячий. Одно и то же. Мы можем хотя бы переспать. Сегодня вечером я свободен.

Хартли снова вздыхает. Еще громче.

– Истон, – начинает она.

Я опускаю руки на столешницу и подаюсь вперед.

– Да, детка?

В ее взгляде заметно раздражение.

– Знаешь что? Забудь об этом. – Она тянется к портфелю, который лежит на соседнем стуле. – Мне нужно кое-что прочитать для урока по литературе.

Я так и сижу с отвисшей челюстью, а Хартли достает книгу и начинает читать, продолжая есть одной рукой. Она словно не замечает меня. Полностью игнорирует.

Хартли очаровала меня. Ее тянет ко мне, но она ничего не собирается с этим делать?

– Я ни с кем не встречаюсь.

Она не отвечает.

– А у тебя есть парень?

Молчание.

Я барабаню пальцами по столу. Другой парень – это сложности, которых я обычно избегаю. Но если бы у нее был бойфренд, она сказала бы мне об этом в первые пять минут нашего разговора. По крайней мере, если бы у них все было серьезно. И тут меня осеняет.

– Тяжелое расставание, да? Ох, хорошо, что у тебя есть я: ты можешь поплакать у меня на плече. – И я хлопаю себя по плечу.

В ответ слышу очередной долгий тяжелый вздох.

– Не было у меня никакого тяжелого расставания. Парня у меня тоже нет, хотя это и не твое дело. И я по-прежнему хочу, чтобы ты оставил меня в покое.

Хартли произносит все это на одном дыхании. Она даже не потрудилась поднять на меня глаза. Хотя, по-моему, она даже не читает – уставилась в одну точку.

Я решаю уличить ее.

– Я бы поверил тебе, если бы ты действительно читала.

Она слегка краснеет и переворачивает страницу. Ту самую, которую «читает» вот уже минут десять. Я доедаю ролл и беру из ее тарелки морковную палочку. Хартли поджимает губы, но ничего не говорит. Я продолжаю уничтожать остатки ее ланча. Ну, если она не собирается его доедать, мне не хочется, чтобы он пропадал зря.

Когда ничего, кроме воды, не остается, я решаю, что пора уходить.

– Почему все смотрят на нас?

Раздраженный вопрос Хартли заставляет меня остановиться. Я оглядываю столовую. Не заметил, что мы стали центром всеобщего внимания. Гиены пускают слюни, учуяв запах свежего мяса. Фелисити Уортингтон за столом с парой подружек, тоже из выпускного класса, и они склонили головы, как будто перешептываются о том, что только что увидели. Истон Ройал сидит за ланчем с

какой-то девчонкой? Ничего себе!

Клэр тоже наблюдает за нами, и она явно недовольна. Глазами мечет молнии в Хартли, но, когда встречается со мной взглядом, выражение ее лица тут же смягчается. Сидит с видом раненого олененка, как у одной из бывших Рида: она смотрела на него точно так же, когда он бросил ее. Похоже, действительно пора придумать что-то, чтобы отделаться от Клэр.

Покраснев, как свекла, Хартли берет бутылку воды и отпивает глоток.

– Серьезно, это же глупо. Почему они пялятся?

Я пожимаю плечами.

– Я Ройал.

– Везет же!

– Это что, сарказм?

– Еще какой, – весело отвечает она.

Закатив глаза, я забираю у нее бутылку с водой и делаю большой глоток. До меня доносится ошарашенный возглас Клэр. Ну и ладно! Моей бывшей не помешает остыть. Серьезно.

– Уж если у кого и было тяжелое расставание, так это у тебя, – бормочет Хартли, по-прежнему притворяясь, что читает книгу.

– Тогда так не казалось. Мы оба были согласны с тем, что уже надоели друг другу.

– А почему она оскорбилась, увидев, что ты пьешь из моей бутылки?

– Наверное, забыла, что устала от моего дерьма.

В ответ Хартли сдавленно усмехается.

– И что ты делал? Изменял ей?

– Нет. Думаю, что не уделял достаточно внимания. Она что-то говорила о том, что я плохой бойфренд.

– Все, что слетает с твоего языка, убеждает меня, что хорошим ты быть не сможешь.

– Ауч! – Я передаю бутылку Хартли. – Наверное, мне нужно больше практики.

– Я пас.

– А у тебя когда-нибудь был парень? – Мне по-настоящему любопытно. Хартли так тщательно избегает разговоров о прошлом.

– Что случилось? Он обманул тебя? Ты устала от него? Перестало хватать времени на отношения? Что?

Хартли, прищурившись, наклоняется вперед.

– Зачем ты спрашиваешь?

– Просто любопытно.

Позади меня кто-то кашляет. Я не обращаю внимания.

– Ты интересная, мне бы хотелось узнать о тебе побольше.

Кашель за спиной становится громче. Глаза Хартли распахиваются шире, а уголки губ приподнимаются.

– По-моему, кто-то хочет привлечь твое внимание.

– Я разговариваю с тобой.

– Истон, – шаги останавливаются рядом со мной, и пальцы Клэр обхватывают мою руку. – Ты что, не слышал меня?

Я проглатываю вздох и напоминаю себе о хороших манерах.

– Да, но я разговариваю…

– Я закончила. Можешь занять мое место, – Хартли встает и указывает рукой на свой стул.

На лице Клэр появляется сияющая улыбка.

– Спасибо.

– Погоди секундочку, – я хочу схватить Хартли за запястье, но она шагает в сторону. Разозлившись, я поворачиваюсь к Клэр. – Нам с Хартли нужно переговорить с глазу на глаз.

– Нет-нет, – отвечает Хартли.

И через мгновение убегает прочь.

– Мы еще не закончили, – я подскакиваю со стула и несусь вслед за ней.

Клэр снова зовет меня, но я продолжаю погоню за Хартли, не обращая внимания на изумленные взгляды Эллы и остальных. Моя цель – исключительно Хартли, и я успеваю догнать ее у входа в столовую.

– Жестко с твоей стороны – вот так взять и оставить меня одного с Клэр, – шучу я. – У тебя есть сердце?

Хартли потирает пальцем лоб, и я замечаю на ее левом запястье белую полосу. Похоже на рубец после хирургической операции. Наверное, расставание действительно было болезненным, раз после него ей потребовалось вмешательство хирурга.

– Истон, послушай, я не люблю быть в центре внимания, в отличие от тебя. – Она указывает на множество повернутых в нашу сторону лиц. – Стараюсь держаться в тени. И не хочу – и не могу себе позволить, – чтобы все это внимание было обращено на меня.

Услышав это загадочное заявление, я хмурюсь.

– Почему?

– Потому что, – больше она не произносит ни слова.

Но не двигается.

Я подхожу ближе.

Хартли по-прежнему стоит на месте. Как будто ее ноги приклеились к полу.

Я опускаю голову, и вот уже мой нос в паре сантиметров от ее милого ушка.

Я так близко, что ощущаю тепло ее кожи, исходящее из-под накрахмаленной ткани юбки. Мои пальцы находят ее запястье. Пульс у Хартли бешеный. Или это мой?

От нее исходит потрясающий аромат, что-то фруктовое и свежее. Мне хочется провести носом вдоль ее шеи и вдохнуть ее. А потом, может, провести языком по подбородку, вычерчивая дорожку к ее пухлым губам. Их бы я тоже облизал, а затем засунул бы язык в ее рот.

И вот уже я стою посреди столовки со стояком.

Взгляд Хартли опускается туда, где соприкасаются наши руки.

– Ройал, – предупреждает она.

– М-м-м?

Я слишком отвлекся на ее темные волосы, на мелкие завитки рядом с ухом. В голове вспыхивает картинка, как эти волосы свисают словно штора вокруг моего лица, и у меня чуть не вырывается громкий стон.

– Ни за что не поверю, что ты этого не чувствуешь, – говорю я, и собственный голос кажется мне низким и хриплым.

– Чувствую что?

Жар. Внезапный прилив желания, которое пульсирует сейчас в моей крови.

– Это, – шепчу я и, не думая, что делаю, придвигаюсь к ней еще ближе.

Мой рот опускается к ее губам.

В этот раз за спиной раздаются несколько изумленных вскриков, оживленный шепот. Но я не обращаю на них никакого внимания. Все оно приковано лишь к Хартли. Еще пара дюймов – и наши губы соединятся. Еще один дюйм – и мой язык окажется у нее во рту. Еще полдюйма – и…

По моему лицу стекает что-то холодное.

Я удивленно отстраняюсь от Хартли, поднося руку к щеке. Вода?

Господи боже мой, она только что вылила мне на голову все содержимое своей бутылки!

– Какого черта?! – злобно вскрикиваю я.

Хартли выглядит такой же разъяренной, каким я себя чувствую.

– Какой же ты козел, – шипит она.

У меня так и отвисает челюсть.

– Я? Это же ты вылила на меня воду!

– Я только что сказала тебе, что не хочу привлекать к себе внимание, а ты попытался поцеловать меня на глазах у всей школы! Тебя ведь не волнует, чего хотят другие, да, Истон? Важно лишь то, чего хочешь ты, потому что ты Ройал, верно?

Хартли выдергивает свою руку, и мне остается лишь наблюдать, как она марширует прочь.

– Истон! – раздается жалобный голос.

Я прислоняюсь головой к дверному косяку. Зашибись, блин! Я не могу отделаться от своей бывшей и продолжаю портить отношения с девчонкой, которую хочу. Мой последний год в школе обещает быть совсем не таким, каким я его себе представлял.

Совсем.

Глава 6

– Как думаешь, я козел? – угрюмо спрашиваю я позже вечером у Эллы, которая режет мне яблоко.

– Что это за вопрос такой? – Она бросает ломтики в пиалу и подталкивает ее в мою сторону.

– Значит, ответ «да»?

– Конечно, нет.

Она встает на цыпочки и гладит меня по голове, как маленького щенка. Мне не нравится возникшее при этом чувство.

– Почему ты обращаешься со мной как с ребенком, хотя я на три месяца старше тебя?

– Потому что ты ведешь себя как маленький ребенок.

– Нет.

– Да, и еще как.

Я ощетиниваюсь.

– Ты поэтому не видела во мне того, что видела в Риде? Потому что я веду себя как маленький ребенок?

Пусть я был первым Ройалом, который поцеловал Эллу, но Рид всегда будет первым в ее сердце. И это не дает мне покоя.

Все всегда любили меня больше остальных. Мама, девчонки в школе. Черт, да даже у старушек загораются глаза, стоит мне оказаться рядом. Рид всегда ходит с хмурым выражением, а Гидеону есть дело только до Саванны Монтгомери. Я золотое дитя, но в последнее время начинаю сдавать свои позиции.

Я смотрю на свое отражение в стеклянной дверце кухонного шкафчика. С внешностью у меня все в порядке, как и раньше. Я обаятельный и веселый. Мое тело могло бы украсить обложку какого-нибудь журнала, за что спасибо не только генам, но и усиленным занятиям спортом: тяжелой атлетикой и футболом. Клэр все продолжает преследовать меня, хотя мы расстались тысячу лет назад.

Нет, со мной все в порядке. Элла запала на Рида по каким-то другим, необъяснимым, причинам, а Хартли Райт – просто чистоплюйка и нелюдимка.

– Я не ребенок, – бормочу я.

Элла вздыхает.

– Так, ладно, что происходит? У тебя все нормально?

Я избегаю ее обеспокоенного взгляда.

– С чего ты взяла, что что-то происходит?

– Потому что ты ходишь сам не свой с тех пор, как за ланчем та девчонка вылила тебе на голову бутылку воды. Я забыла, как ее зовут?

Мне удается равнодушно улыбнуться.

– Хартли, и то, что случилось, меня ничуть не трогает. Я Истон Ройал, для меня открыт весь мир. Уверен, она еще изменит свое мнение. – Я легонько щипаю Эллу за щеку. – Мне пора, сестренка. Сегодня меня не жди.

Она сразу застывает.

– Никаких боев.

– Никаких боев, – закатив глаза, отзываюсь я.

– Истон…

– Я серьезно. – Я невинно поднимаю руки вверх. – Да и в любом случае сегодня вторник. По вторникам бои не проводятся.

Но Эллу, похоже, мои слова не сильно убедили.

– И куда тогда ты собрался?

– Туда, куда хорошим девочкам лучше не ходить. – Взяв нарезанные яблоки, я ухожу.

– Истон! – кричит она мне вслед.

Я, не оборачиваясь, машу ей рукой. Мне совсем не хочется, чтобы Элла сегодня отправилась за мной. Ей все это очень не понравится, и мои сияющие доспехи поблекнут.

Поднявшись наверх, я надеваю свои любимые джинсы. Дырки на коленях становятся все шире, все меньше отдавая дань моде, – больше похоже на то, что я стащил их у бомжа. Просто мне не нравится выбрасывать вещи. К тому же там, куда я собираюсь, не обращают внимания на внешность, главное – чтобы у тебя при себе были деньги. Отыскав на полу толстовку с капюшоном, я набрасываю ее поверх своей любимой черной майки.

Зажав в кулаке ключи и несколько сотен долларов, спускаюсь по черной лестнице, чтобы не встретиться с Эллой, папой или еще кем-то, таким же любопытным. Оказавшись в гараже, снимаю брезент с покупки, которой, надеюсь, отец не заметил. Мотоцикл уже был с пробегом, но я бы не смог позволить себе новый, не вызвав переполоха в бухгалтерии. Любая покупка стоимостью больше десяти штук баксов тут же выдала бы меня с головой. И это даже хорошо, потому что в тех местах, где я бываю, что-то дорогое тут же привлекло бы к себе внимание, и, скорее всего, его бы попросту украли.

Я качу серебристо-черную «ямаху» от дома примерно до середины подъездной дорожки, а потом взбираюсь на байк и выжимаю полный газ. Дорога до пункта назначения занимает тридцать минут.

Рядом с ветхим домом стоят человек шесть и курят. Разумеется, сигареты: что-либо другое здесь запрещено и, наверное, так будет до тех пор, пока Земля не сойдет с орбиты. Внутри – другое дело. Здесь можно найти удовольствия на любой вкус. Но я приехал не за этим. Стараюсь держаться подальше от неприятностей, хоть это и непросто.

За свою недолгую жизнь я страдал от разного рода зависимостей. И сейчас мне стоит невероятных усилий пройти мимо окружающих соблазнов, но после того, что случилось с мамой, я обещал братьям попытаться держать себя в узде. Мне еще не надоело жить. Я как никто другой знаю, что слишком много веселья может привести к катастрофе.

Внизу лестницы мне салютует мужик с огромным пузом, которое, наверное, видно даже с побережья.

– Ройал.

Размеры Тони вводят в заблуждение. Он только выглядит рохлей, но на самом деле здесь этот парень – единственный, кого вам не захочется разозлить. Один удар его лапы – и вы будете валяться без сознания.

Я жму руку вышибалы, а потом мы по-мужски обнимаемся. Тони хлопает меня по спине (так, что кости хрустят) и отодвигается в сторону. В тускло освещенной цементной коробке уже стоят четыре стола. Здесь, внизу, курить запрещено, особенно если учесть, что помещение не оборудовано системой противопожарной безопасности. Да и выход отсюда только один, и то сначала нужно подняться вверх по лестнице.

Зато алкоголь здесь течет рекой. За тремя столами уже сидят люди, но у четвертого еще есть три пустых стула. Дилера я вижу впервые, но все равно бросаю пятерку в центр стола.

– Давно не виделись, Ройал, – говорит парень рядом со мной.

– Привет, Нейт Дог.

Мы шлепаем друг друга по ладоням. На его руках чувствуются мозоли от работы в доках. Я познакомился с ним после одного из боев, и он пригласил меня на игру. Думаю, он знал, что у меня водятся деньги, и захотел помочь мне избавиться от них. Да и какими бы ни были его намерения, это место прекрасно подходит для того, чтобы выпустить пар. Я не расстраиваюсь, если проигрываю, но чаще всего остаюсь при своих.

Я на несколько сантиметров выше Нейта-Ди, но рядом с ним всегда чувствую себя маленьким. И дело не в том, что он старше, а в том, как он держится. Нейт знает себе цену. И меня это восхищает.

Третий игрок поднимает подбородок в мою сторону, желая показать свою крутость. Он распрямляет плечи, и благодаря объемной толстовке создается видимость, что его фигура массивнее, чем есть на самом деле.

– У тебя какие-то проблемы? – спрашивает парень, выдвигая вперед нижнюю челюсть.

– Нет. А что?

– Ты пялился, – сообщает мне Нейт-Ди.

– Да лучше смотри в свои карты.

Этот задира начинает действовать мне на нервы.

– Просто ты такой милый, что я не могу удержаться, – отвечаю я.

Нейт-Ди прикрывает рот рукой, чтобы спрятать смешок, и даже на непроницаемом лице дилера появляется подобие улыбки.

Но парень не оценил моей шутки. Жаль, что у придурка нет чувства юмора. Кто-то протягивает мне бутылку пива, и крупье начинает первый розыгрыш. Я залпом опустошаю сразу полбутылки и только потом делаю вдох.

Я отказался от одной дурной зависимости, но не могу избавиться от всех разом. Как-то раз даже сказал Элле, что это у меня в генах. Во мне полно всякого дерьма. Но так уж я устроен и не стыжусь этого. Я никому не причиняю вреда или, по крайней мере, стараюсь избегать этого.

Взяв карты, я включаюсь в игру. У придурка в толстовке не только нет чувства юмора, он еще и плохо играет в карты: не запоминает те, что уже были разыграны, и делает необдуманные ставки.

После пяти быстрых раздач кучка денег перед ним исчезла, в то время как моя продолжает расти.

– Тебе сегодня везет, сынок, – с досадой кидая на стол три шестерки, вздыхает Нейт-Ди.

– Это твой второй стрит за пять раундов. – Парень хмуро смотрит на меня. – Да ты мошенник!

Я прекращаю сгребать банк.

– Я даже не знаю имя дилера, как я мог бы смошенничать?

– Я все время выигрывал, пока ты не появился. Это очень подозрительно, – отвечает он.

Я закатываю глаза.

– Смотри в свои карты, – рявкает Нейт.

Придурок стискивает зубы, но уступает.

Я опускаю глаза на свои карты и вытягиваю пару.

– Две, пожалуйста, – говорю я дилеру.

– Пожалуйста? Мы что, в каком-то загородном клубе? – презрительно усмехается «крутой», сбрасывая свои карты. – Я пас. Победа моя.

Но в итоге он проигрывает Нейту. Мы разыгрываем еще одну колоду, и «крутой» снова проигрывает две штуки баксов. Мастерски сблефовав, потому что на деле у меня ни хрена не было, я забираю его последнюю сотку. Нейт сбрасывает карты, и «крутой» следует его примеру.

– Дай посмотреть на твои карты, – рычит он.

– Нет.

Может, если бы я играл с Нейтом и кем-то еще, то согласился бы, но этот парень весь вечер вел себя как кусок дерьма. А я с самого ланча пребываю не в самом приятном расположении духа. Элла была права: от ворот поворот от Хартли сильно задел меня.

– Я хочу посмотреть, какие у тебя карты!

Парень переваливается через стол, чтобы схватить их, но я быстро отбрасываю их дилеру, который одним ловким движением отправляет карты в кучку с

другими сброшенными.

– Сядь, – приказываю я парню.

– Это все обман! – «Крутой» бьет кулаком по столу. – Снимай свою одежду!

Он бросается вперед, как будто хочет стянуть с меня толстовку.

Я отшатываюсь в сторону, а Нейт руками толкает «крутого» на стул.

– Успокойся, – предупреждает его Нейт, показывая пальцем в мою сторону.

«Крутой» с мрачным видом скрещивает руки на груди.

– Я не стану разыгрывать и пенни, пока он не снимет свою толстовку. Не настолько у меня плохо с картами.

Я фыркаю.

– Да! – настаивает он.

Нейт тянет за край моей толстовки.

– Сними уже ее, чтобы мы могли поиграть.

Другими словами, он просит меня заткнуться, чтобы получить еще больше этих легких денег.

Я стряхиваю руку докера со своего плеча.

– Нет. Я не мошенник и не собираюсь раздеваться только потому, что мне так сказал какой-то говнюк, который не умеет блефовать.

Нейт поднимается из-за стола.

– Его деньги зеленые. Сними с себя толстовку, Ройал.

Что за чушь! Нейту так нужны бабки, что он скинет меня под стол? Да ну их.

– Раздевайся, мошенник, – с издевкой поддакивает «крутой». Теперь, когда Нейт вроде как на его стороне, показная самоуверенность так и прет из него.

Я весело усмехаюсь.

– Нет.

Нейт тянет меня за рукав, и я резким движением вырываюсь из его хватки. Не знаю, когда что-то пошло не так, но дальше все происходит как в тумане. Стол опрокидывается. Деньги падают на пол. Откуда ни возьмись появляется кулак, костяшки врезаются в мою челюсть, заставляя меня развернуться.

Я вскакиваю, нанося удары. Не знаю, с кем дерусь, да и зачем, но ощущения приятные. Я получаю удар ногой в живот и два удара в грудь, но сам бью еще больше, хоть пот и кровь застилают глаза и заполняют рот. Я дерусь до тех пор, пока мне в лицо не попадает струя холодной воды. Ха, снова вода. Второй раз за день.

– Достаточно!

Я очухиваюсь и понимаю, что лежу на спине, а надо мной злое лицо Тони. В его руке зажат шланг. В ушах звенит – то ли от его крика, то ли оттого, что меня ударили в голову. Я трясу ею, но звон не проходит.

– Тебе пора, Ройал.

Я встаю с пола и оглядываюсь. Перед глазами расплываются перевернутые столы, усеянный банкнотами пол и лежащие тела.

– Не я затеял эту драку. – Язык у меня заплетается.

– Мне плевать. Вечер испорчен, и все благодаря тебе. Выметайся!

Я растягиваю губы в улыбке, хоть мне чертовски больно.

– Почему бы тебе не обвинить другую сторону? Вообще, откуда взялся этот парень? Я играл здесь уже…

– Ты глухой, сынок? Я же сказал тебе, красавчик, выметайся вон из моего подвала. И никогда больше не возвращайся. – Тони грубо толкает меня в сторону лестницы.

Звон в ушах не утихает. С трудом поднявшись по ступенькам, я тащусь к выходу. Черт, голова просто раскалывается на части!

В доме почти никого нет. Снаружи на крыльце стоит несколько человек. Быстро махнув им рукой, я, спотыкаясь, спускаюсь по лестнице.

Дорожка ускользает из-под ног. Я вытягиваю перед собой руку, чтобы удержать равновесие, но хватаю лишь воздух и, оступившись, по инерции падаю на колени.

За спиной раздается смех. Подонки.

Я встаю с колен и выпрямляюсь. Байк стоит в квартале отсюда. Мне бы только добраться туда, и все будет хорошо.

Я бреду по тротуару, спотыкаясь и покачиваясь в разные стороны, но дохожу до мотоцикла. Перекинув ногу через сиденье, пытаюсь завести его. Мотор, заурчав, через несколько секунд с фырканьем умолкает. Хлопнув рукой по бензобаку, я снова запускаю двигатель. В этот раз он оживает. Хороший мальчик.

– Истон!

Я разворачиваюсь на звук знакомого голоса. Что за черт?

Передо мной лицо Хартли Райт, даже три лица. Три Хартли, которые будут кричать на меня, будут грубить мне и обольют меня водой за то, что осмелился поцеловать ее. Круто, что скажешь.

– Ты что, следишь за мной? – бормочу я.

– Мечтать не вредно. – Три Хартли собрались уходить.

Я отпускаю сцепление, и мотоцикл катится вперед.

– Погоди. – Она возвращается вместе с обоими своими клонами. – Пойдем, я отведу тебя домой.

– Ты живешь здесь рядом?

Несмотря на временные проблемы со зрением, я прекрасно понимаю, что ученик «Астор-Парка» никак не может жить в таком районе. В такой дыре не смог бы жить даже стипендиат.

– Пойдем. – Хартли тянет меня за рукав. – Поедешь в таком состоянии – собьешь какого-нибудь ребенка и разрушишь жизнь целой семьи.

– Спасибо, что так беспокоишься за меня, – саркастично говорю я, но на меня вдруг обрушивается смертельная усталость.

Она права. В голове звенит, в глазах двоится, а то и троится, и все тело ноет от боли.

Я медленно возвращаю мотоцикл на обочину и ставлю его на подножку.

Или пытаюсь. После четырех неудачных попыток Хартли наклоняется и отталкивает мою ногу в сторону.

– Зачем ты помогаешь мне? – невнятно спрашиваю я.

– Сама не знаю.

– За ланчем ты вела себя как последняя стерва.

– Ты заслужил.

Может, она еще что-то сказала, но вокруг меня вдруг стало темно.

Глава 7

В ушах пульсируют глубокие басы Humble Кедрика Ламара, и я вытягиваю руку в поисках кнопки сброса. Ненавижу утренние тренировки ни свет ни заря. Все еще с закрытыми глазами я пытаюсь отыскать свою тумбочку, на которой обычно лежит телефон, но вместо твердого дерева моя рука находит лишь воздух.

Потянувшись еще чуть-чуть, падаю на пол. И от падения сразу же просыпаюсь.

Соскребая себя с ковра, понимаю, что не дома. Вышеупомянутый ковер какой-то потрепанный, диван за моей спиной – ему под стать. Справа от меня, у маленького деревянного стола, – два раскладных стула. А в крошечное пространство ровно за ними втиснуты холодильник, плита и раковина.

Нужда сходить по-маленькому становится нестерпимой. Два шага – и я уже открываю единственную дверь в этой конуре. Ванная, как и все остальное здесь, совершенно малюсенькая: небольшая раковина, душевая кабина и унитаз занимают все свободное пространство.

Я делаю свое дело, мою руки и вытираю их об удивительно мягкое полотенце. Сложив пополам, вешаю его обратно на кольцо.

Вернувшись в гостиную, начинаю вспоминать события минувшей ночи. Я приехал в эти трущобы на своей «ямахе», сыграл несколько раундов в покер, а потом ввязался в драку.

Наверное, меня вырубило от удара в голову. Нет, стоп! Перед этим произошло что-то еще.

Хартли.

Хартли привела меня сюда, перед тем как я отключился. Смутные вспоминания о том, как она приказывала мне шевелить задницей и взбираться по бесконечной череде ступенек.

Но если на диване спал я, то где спала она? Здесь нет спальни, а диван такой маленький, что двое на нем просто не поместятся. Ей бы пришлось спать на мне в буквальном смысле, но Хартли скорее отпилит себе руку, чем станет спать со мной.

Вот черт!

Откуда ни возьмись меня накрывает чувство вины. Хотя с какой стати мне чувствовать себя виноватым? Я не просил ее о помощи и уж тем более не стал бы спать на ее диване, даже если вчера мне нужно было где-то переночевать.

Моя обувь и толстовка лежат на столе. В кармане около трех тысяч долларов, а значит, Хартли видела, сколько у меня денег, но не взяла ни цента. Хотя могла бы взять себе вознаграждение.

Я отсчитываю несколько банкнот и кладу их на стол. Под обувью нахожу записку, к которой приклеен ключ.

«Закрой дверь, положи ключ в этот конверт и засунь его в почтовый ящик внизу».

Я в раздумье разглядываю записку. Эта девчонка – сплошная загадка. Ее родители живут в дорогущем особняке. Отец – влиятельный человек, прокурор. И все-таки Хартли живет в самом худшем районе Бэйвью, в квартирке, где стены такие тонкие, что мне слышно музыку, которая играет у ее соседей снизу. Тем не менее она учится в одной из самых престижных школ штата. Что же, черт возьми, все это значит?

Я думал, что мой последний год в школе будет скучным. Элла большую часть времени проводит с Ридом: болтает с ним по телефону, переписывается или ездит к нему в университет на выходные. Близнецы заняты своей жизнью. Гидеон тоже в колледже, а когда бывает дома, хочет тусоваться только с Саванной.

Я третий лишний, и так было всю жизнь. Пока Гид не уехал, они с Ридом вечно были вдвоем, близнецы – сами по себе, ну а я болтался где-то между ними.

Мама говорила, что в этом моя индивидуальность и независимость. Я всегда мог найти себе занятие. Мне не нужны были братья. К тому же я заводил знакомства легче, чем они. У меня куча друзей. Мой список контактов бесконечен.

И все же… вчера я никому не позвонил. Вместо этого пытался взобраться на мотоцикл и поехать домой, как какой-то идиот, у которого мозг меньше, чем мошонка.

Я выхожу из квартиры, запираю дверь, но ключ кладу в карман, а не в конверт. Тренировка начнется через полчаса. Значит, опоздаю. И это после моего вчерашнего появления в несусветную рань.

Мобильник разрывается сообщениями от Эллы.

«Где ты?»

«Тебя ищет Каллум».

Черт. Если так пойдет и дальше, я никогда больше не смогу снова подняться в воздух. Мне и правда нужно поработать над способностью принимать решения.

«Я прикрыла тебя. Сказала ему, что ты уже уехал».

Я подхожу к ступенькам. В аллее рядом с домом Хартли воняет кошачьей и собачьей мочой… Черт, да там стоит такая вонь от животных, которую даже сложно вообразить. Жесть.

Я печатаю ответ:

«Спасибо, что прикрыла меня. Уже еду».

Когда я появляюсь в школе, все еще в раздевалке. Сегодняшняя тренировка состоит из отработки техники игры и бега, поэтому к концу я еле стою на ногах.

С тех пор как защиту возглавляет Брэн Мэтис, тренер не дает нам расслабиться. Наверное, когда ситуация с квотербеком была совсем плохой, он просто не хотел рисковать, чтобы кто-то из оставшихся игроков тоже получил травму, потому что этот сезон и так обещал быть неудачным. Но сейчас все резко изменилось.

Паш бросает мне бутылку воды и тут же до последней капли опустошает свою.

– Черт, я совсем не в форме, – задыхаясь, жалуется он. – Слишком много пил и курил этим летом.

– И я.

С жадностью выпив воду, я отбрасываю бутылку и ложусь спиной на траву.

Паш падает рядом со мной. Мы лежим и смотрим в безоблачное небо.

Брэн, свежий как огурчик, с усмешкой проходит мимо нас, словно и не было этой изматывающей тренировки.

– Вам, парни, нужно почаще ходить в зал. Я вот чувствую себя отлично.

Мне едва удается поднять руку, чтобы показать ему средний палец.

– Ты чувствуешь себя отлично только потому, что ведешь здоровый образ жизни.

Он начинает смеяться.

– Это что, оскорбление? Потому что, по-моему, вести здоровый образ жизни – значит не валяться без сил на поле.

В этот раз средний палец ему показывает Паш.

В конце концов мы собираемся с силами, чтобы оторвать свои задницы с поля, и возвращаемся в раздевалку, где я по-быстрому принимаю душ. Потом, переложив ключ от квартиры Хартли из джинсов в школьные брюки, направляюсь к секретарю.

Миссис Голдштейн на месте. Жесткие, с голубым оттенком волосы образуют нимб вокруг ее маленького круглого лица. На кончике носа очки в розовой оправе.

Я облокачиваюсь на стойку.

– Миссис Джи, вы сегодня выглядите потрясающе.

Она вздыхает.

– Что вам нужно, мистер Ройал?

Не обращая внимания на ее явное раздражение, я постукиваю пальцем по верхушке секретарского монитора.

– Я зашел к вам, потому что обнаружил ошибку в своем расписании. Пошел на первый урок, и оказалось, что я больше не числюсь в классе. Кто-то по фамилии Райт перевелся и занял мое место.

Нарисованные брови сводятся вместе поверх очков.

– Это крайне необычно.

То есть я несу полную ахинею. Но так и есть.

И продолжаю нагло врать.

– Знаю! Но мистер Уолш такой: «Вы больше не в моем классе, Ройал». А я ему: «Как? Что за чушь?! Почему этот Райт вот так взял и занял мое место»? И он: «Ну, раз так, идите к секретарю и спросите». И…

– Ладно! – миссис Голдштейн уже начинает терять терпение. – Помолчите и позвольте мне проверить.

Я прячу улыбку.

– Спасибо, миссис Джи. Я правда считаю, что этот умник попал не в тот класс.

Пошутив, я подмигиваю ей. Мисс Джи, похоже, шутку оценила. Она сжимает свои тонкие губы, чтобы не рассмеяться.

– Посмотрим, что можно сделать. – Секретарь что-то печатает.

Я поворачиваюсь к монитору, чтобы посмотреть, что она делает: открывается досье, озаглавленное «Райт Х.». Поправив очки на носу, миссис Голдштейн изучает расписание.

Я ловко перевешиваюсь через стойку и быстро нажимаю на кнопку «печать с экрана».

– Мистер Ройал! – восклицает секретарь, вскакивая со стула.

Но я быстрее нее. Перемахнув через стойку, я оказываюсь прямо перед принтером.

– Спасибо, что распечатали это для меня. – Ослепительно улыбаясь ей, я хватаю лист бумаги и обегаю стол.

Она пытается схватить меня.

– Я ничего для вас не печатала. Истон Ройал, вернитесь!

– Миссис Джи, у вас восхитительные духи, – кричу я ей через плечо.

Выбежав из кабинета, я смотрю на распечатанный лист. У нас ни одного совпадения по занятиям, за исключением последнего урока. Больше того, почти все учебное время Райт Х. проводит в противоположном крыле здания.

Но с сегодняшнего дня это изменится.

Я поднимаюсь по лестнице, перескакивая через ступеньку. Когда врываюсь в кабинет, где проходит первый урок Хартли, лекция уже началась. Все места

рядом с ней заняты. Ее окружают горшочные растения – полные самомнения детишки, которые поглощают весь кислород. Я подхожу к одной девчонке, которую знаю и которая мне не нравится.

Наклоняюсь над ее столом.

– Твоя машина горит.

– О боже мой! – взвизгивает Синтия Паттерсон и пулей вылетает из класса.

Самодовольно ухмыляясь, я отодвигаю освободившийся стул и усаживаюсь.

– Мистер Ройал, что вы делаете на моем уроке? – спрашивает учительница.

Понятия не имею, кто это. Но, судя по морщинам у нее на лбу, от которых она пытается избавиться при помощи ботокса, ей за сорок. Слишком стара для меня.

– Хочу учиться. Разве все остальные здесь не за этим?

– Это курс по истории феминизма.

Я вскидываю голову.

– Тогда я не понимаю, почему вы против меня. Если мы хотим добиться равенства полов, то этот курс должен быть обязательным и для молодых людей или нет?

Учительница предпринимает последнюю попытку выгнать меня с урока.

– У вас с собой нет необходимых книг.

– Какие проблемы? Хартли поделится со мной. Мы старинные друзья. – Я поднимаю свой стол и ставлю его рядом со столом Хартли.

– Что ты делаешь? – едва слышно, но требовательно спрашивает она.

– У тебя есть потрясающая способность – кричать шепотом, ты знала об этом? – Я перекладываю одну из ее книг себе на стол.

– А у тебя есть потрясающая способность выводить меня из себя.

– Я совершенствовал эту способность с рождения. Мама говорила, что я появился на свет, размахивая кулачками. Спасибо, что помогла мне вчера.

Запустив руку в карман, я быстро оглядываю кабинет и незаметно под столом тыкаю Хартли ее же ключом.

Она испуганно вздрагивает, а потом смотрит вниз и тут же напрягается.

– Я же попросила тебя оставить ключ в почтовом ящике, – шепчет она.

– Решил, так будет проще.

Хартли изучает мое лицо.

– Ты, наверное, заключил сделку с дьяволом. Это единственное объяснение тому, как отлично ты выглядишь после ночи попойки и того, как тебя вчера отделали.

– Никто меня не отделал.

– Да? Это поэтому ты вырубился? И тебя не били по голове так сильно, что ты даже не мог смотреть прямо перед собой?

– Все именно так.

Хартли лишь качает головой. Ее челюсти по-прежнему крепко сжаты. Училка бубнит перед классом что-то о третьей волне феминизма. Она явно не в курсе, что ее почти никто не слушает.

– Зачем ты здесь? – наконец спрашивает Хартли.

– О, а я разве не сказал тебе? Теперь у нас все уроки общие.

Она резко разворачивается ко мне.

– О господи.

– Ну, кроме музыки. У меня нет слуха.

– Боже мой, – снова повторяет она.

– Я знал, что ты обрадуешься.

Хартли стонет так громко, что все головы поворачиваются в нашу сторону.

– Что случилось, мисс Райт? – вежливо спрашивает учительница.

Хартли стискивает зубы.

– Я просто поверить не могу, что даже сейчас, в нашем современном, прогрессивном обществе клинические испытания лекарственных препаратов до сих пор включают только мужчин, каждый день ставя под угрозу жизни женщин. Это ужасно.

– Ужасно! – соглашается учительница. – Однако такова действительность.

Как только она продолжает свою лекцию, Хартли поворачивается ко мне с хмурым видом.

– Переделай свое расписание на прежнее, Ройал.

– Не-а.

Она сжимает столешницу обеими руками, как будто борется с желанием ударить меня, и шепчет:

– Отлично. Тогда перестань разговаривать со мной. Я здесь, чтобы получать знания.

– Какие знания? Женщины заслуживают тех же прав, что и мужчины. Точка.

– Ты действительно в это веришь?

Я поднимаю брови.

– А кто-то в этом сомневается?

– Очевидно, не все считают как ты.

Я подмигиваю.

– Значит, теперь, когда ты узнала, что у меня нет предрассудков, я стал тебе нравиться?

Но она словно не замечает моих попыток очаровать ее и глядит с подозрением.

– Я не знаю, почему ты преследуешь меня, но тебе пора перестать это делать. Ты меня не интересуешь и не заинтересуешь никогда. К тому же, как я слышала, к тебе выстроилась целая очередь из девчонок, которые с радостью выполнят все, чего ты захочешь. Так что просто… – она машет на меня рукой, – просто отвали.

Я игнорирую почти все, что она сказала, за исключением очевидного.

– Ты наводила обо мне справки, да?

Хартли закрывает глаза и разворачивается к учительнице.

– А что еще ты слышала? Я бы не прочь узнать, что обо мне говорят. – Я легонько подталкиваю ее локтем.

Она отодвигается от меня и продолжает молчать.

– Мой самый любимый слух – о том, что у меня волшебный язык, но это правда. Я буду только счастлив доказать тебе это. В любое время.

Хартли скрещивает руки на груди и опять не говорит ни слова.

Я опускаю глаза на расписание.

– Жду не дождусь, когда мы вместе пойдем на урок английской литературы, – с ликованием шепчу я ей.

Она до скрипа сжимает челюсти.

А это весело. Очень весело!

Глава 8

Хартли не обращает на меня внимания ни на английской литературе, ни на государственном управлении, еще одном предмете, на который я не записан, но на который пошел потому, что он стоит в ее расписании. Учителей мое присутствие совершенно не смущает – видимо, они предполагают, что раз я здесь, то школьная администрация в курсе и волноваться не о чем. Но если хотите знать мое мнение, это как-то безответственно.

Думаю, то, что происходит, можно назвать преследованием, но я же не причиняю Хартли никакого вреда и не веду себя непристойно, чтобы залезть к ней в трусики. Просто эту девчонку очень легко вывести из равновесия, и это прикольно.

Хотя я ничего не имею против ее трусиков или юбки, что скрывает задницу, на которую я сейчас смотрю с восхищением. Во время обеденного перерыва я незаметно встаю позади Хартли в очереди в столовой. Когда она тянется за яблоком, ее милая попка выпячивается в мою сторону.

Я бы ее полапал.

– Нет, ты издеваешься?! – Хартли возмущенно поворачивается ко мне, и я понимаю, что сказал это вслух.

Но извиняться не буду. Я же Истон Ройал – все время несу всякий бред. Это часть моего обаяния.

– А что? Ты должна быть польщена, – успокаиваю я ее. – В этой школе я пользуюсь успехом.

Хартли сжимает губы. Я прямо-таки вижу, как в ее голове рождаются сотни злобных реплик, но она умная девочка – уже уяснила, что ругаться со мной совершенно бесполезно. Мне это лишь в кайф.

Поэтому она разворачивается и продолжает наполнять свой поднос едой.

Я иду вслед за ней и делаю то же самое. В столовой «Астор-Парка» выбор блюд просто огромный, хотя в этом нет никакой необходимости. Каждый семестр школа нанимает какого-нибудь знаменитого шеф-повара, и он создает полное всякой припущенной рыбы или курицы с эстрагоном меню для тинейджеров, которые с большим удовольствием съели бы бургеры и картошку фри. В «Астор-Парке» любят впадать в крайности, и наша столовая не исключение.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/uatt_erin/otvergnutyy-naslednik

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить